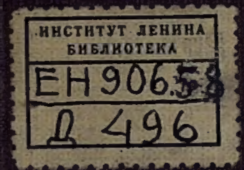
Дзержинский
о хозяйственном строительстве СССР

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

О ХОЗЯЙСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ СССР

ДОКЛАД

НА XXIII ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВКП (б)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

О ХОЗЯЙСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ СССР

ДОКЛАД

НА XXIII ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВКП (б)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 12056.
Ленинградский Гублит № 7669.
3 л. Отпеч. 20.000 экз.

Товарищи, истекший год в нашей советской промышленности является примером того, как правильная политика партии в деле социалистического строительства может привести хозяйственную жизнь страны к блестящим результатам, результатам неожиданным не только для наших врагов, но неожиданным и для наших друзей и даже неожиданным для нас самих. Эти достижения, которые мы получили без всякой посторонней помощи, исключительно благодаря усилиям рабочего класса в союзе с крестьянством, встретили на своем пути, как и встречали раньше, значительные затруднения.

Задача моего доклада — выяснить как те успехи, которых мы достигли, так и те трудности, которые нам еще предстоит коллективными усилиями преодолеть. И в самом деле, если вспомнить состояние нашей промышленности, каким оно было не так давно, осенью 23 года, то мы должны сказать, что наша молодая, неокрепшая, не ставшая еще на сильные ноги советская промышленность стояла уже в 1923 г. перед опасностью кризиса сбыта. Мы помним, что тогда, в осенние месяцы, в октябре, ноябре и декабре, нашим заводам приходилось в своем производстве все больше и больше работать на склады, которые ломились от наших изделий, не находивших сбыта. Эти затруднения, на которые мы наткнулись, были быстро ликвидированы мерами, своевременно принятыми партией. Сейчас же мы находимся в периоде самого острого товарного голода, несмотря на то, что наша промышленность, по сравнению с октябрем — ноябрем 23 года, развернулась больше, чем в $2^1/_2$ раза. Причина заминки, которая была, лежала в слишком высоких ценах на наши изделия. Цены на наши изделия были недоступны для большинства населения, в особенности, для тех, кто является нашим могучим союзником — для крестьянства. Так как союз рабочих и кре-

стьян является той реальной основой, на которой зиждется и развивается наша рабоче-крестьянская Республика, это отсутствие платеже-способного спроса, это объединение крестьянства должно было своим другим концом ударить по рабочему классу, ударить по производству. Тогда нам пришлось снизить цены на промышленную продукцию до уровня более низкого, чем этого требовали так называемые восстановительные цены, т.-е. те, при которых цена полностью окупает все издержки производства и обеспечивает его дальнейшее развитие.

Это снижение цен настолько усилило спрос, настолько подняло платежеспособность населения, что тот мертвый капитал — изделия рук рабочего класса, — который бесполезно заполнял наши склады, моментально разошелся, а увеличение производства дало возможность снизить не только цену, но и снизить себестоимость наших изделий. Вместе с тем, такая продукция труда рабочего класса, как оборудование, сел.-хоз. машины и др., распространяясь по всей стране, создала новые ценности, подняла производительные силы страны, подняла урожайность, подняла производительность труда крестьян. Одновременно была проведена нашей партией самая крупная реформа — была введена твердая валюта, которая дала возможность путем регулирования взаимоотношений между промышленностью, находящейся в руках рабочего класса, с одной стороны, и крестьянством — с другой, дала возможность правильного распределения национального дохода, правильного распределения средств, находящихся в стране. Твердая валюта не могла быть проведена без жертв со стороны рабочего класса. Твердая валюта могла быть удержана лишь при условии бездефицитного бюджета, — а это требовало уменьшения дотаций промышленности с одной стороны, а с другой стороны кампании по поднятию производительности труда, которая была проведена всем рабочим классом и вела одновременно и к снижению цен и к укреплению червонной валюты. И вот, в результате этой двухлетней борьбы мы имеем то, что прошлый 1924 — 25 г., когда страна частично была поражена недородом, дал нам столь бурный рост всей нашей промышленности, которого до сих пор во все годы нашего мирного строительства еще не было.

В прошлом году продукция нашей промышленности поднялась, по сравнению с предыдущим годом, на целых 64 проц., если

считать всю промышленность в целом. Если же взять отдельные ее отрасли, как например, металлопромышленность, то она за этот год возросла более, чем в два раза, в то время, как в предыдущие годы процент прироста был гораздо меньше. Так, в 1923—24 г. (год кризиса сбыта) мы имели всего только 30 проц. прироста, в 1922—23 году мы имели 45 проц. и 64 проц. прироста в 1924—25 г., т.-е. гораздо более, чем весь прирост за два предыдущих года. В абсолютных цифрах эти 64 проц. означают прирост продукции более чем на миллиард рублей в течение года, который можно охарактеризовать, как год товарного голода.

Платежеспособный спрос крестьянства и всего населения не мог быть удовлетворен, не смотря на бурный темп развития нашей промышленности. Платежеспособный спрос рос в более сильной степени, чем развивалась наша промышленность. И вместе с тем, этот год можно было охарактеризовать, как год, в течение которого мы подошли к 100 проц. использованию всего того основного капитала, который достался нам в наследство от старого режима. Сейчас уровень нашей промышленности, если его сравнить с довоенным, достигает уже не менее 90 проц. довоенного уровня. Я должен указать, что не так давно, год—два тому назад, наши ученые, которые рассматривали перспективы нашего развития, допускали, что мы сможем достигнуть довоенного уровня не ранее 1935—41 г., а мы уже в 1925—26 г. достигнем почти 100 проц. от продукции довоенной промышленности.

Я хочу остановиться на развитии ленинградской промышленности. Ленинградская промышленность в своем развитии не только не отставала от темпа общего развития промышленности всего СССР, но даже обогнала его в довольно значительной степени. Рост производства в Ленинграде в истекшем году был в полтора раза выше, чем рост производства во всем СССР. В то время, как промышленность СССР поднялась на 64 проц., Ленинградская промышленность за этот год поднялась на 92 проц. и одновременно ее удельный вес во всей промышленности за этот год поднялся с 13 проц. в первом квартале до 15 проц. в четвертом квартале. Точно также и количество рабочих по ленинградской промышленности росло быстрее, чем по всей союзной Республике.

Это более быстрый темп развития Ленинграда не удивителен, он вполне закономерен, потому, что именно последний 1924—25 г. был годом усиленного развития тяжелой промышленности, производящей средства и орудия производства. А мы знаем, что именно ленинградская промышленность в большей своей части является промышленностью, производящей орудия производства. Поэтому Ленинград в предыдущие годы в развитии своей промышленности несколько отставал. В первую очередь шло развертывание производства в легкой индустрии, и только тогда, когда основной капитал, основное оборудование легкой индустрии было вовлечено в производство, тогда на первый план должна была выступить промышленность, производящая средства и орудия производства. И вот, план, который нами был намечен в конце прошлого года на 1925—26 г., этот план уже не мог быть рассчитан на тот темп, который имел место в 1924—25 г.г. Процент прироста нашего производства в плане нами был намечен всего в пределах 49 проц.

Поскольку, как я уже указывал, мы подошли к исчерпыванию основного капитала, этот факт и определил, почему мы в 1925—26 г.г. не можем развиваться так-же быстро, как в прошлом году. Тогда мы все более и более загружали неработающие цеха. Тогда мы пускали в движение фабрики и заводы, до сих пор бывшие в консервации, сейчас же поскольку мы подошли уже вплотную к исчерпанию резервов основного капитала, постольку для того, чтобы можно было в том же темпе развивать нашу промышленность, необходимо строить новые заводы, новые фабрики. А как известно, для постройки новых фабрик и заводов требуется и колоссальное количество средств и время. Поэтому, если мы в этом году наметили 49 проц. увеличения против предыдущего года, то по плану на следующий год процент увеличения уже не превышает 20—25 проц. Спрашивается, правильно ли взят курс на столь быстрое развитие нашей промышленности. Спрашивается, тот товарный голод, который мы испытываем сейчас, не является ли он сезонным, связанным только с тем хорошим урожаем, какой мы имели в 1925 году.

Вы, знаете, товарищи, что у нас был спор, — существует-ли, так называемая, диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью. Со стороны некоторых ведомств — Наркомфина, отчасти Наркомзема, указывалось, что товарный голод, какой мы

имеем в настоящее время, не есть глубокое явление, а выражает собой только несовпадение момента урожая с наличием промизделий в данном сезоне, так как мы знаем, что самое большое предложение хлеба бывает именно осенью и в начале зимы, в то время, как производство промышленности длится непрерывно в течение года. Эта точка зрения неправильна; ее сторонники не понимают того огромного сдвига, который произошел в нашем хозяйстве после и вследствие Октябрьской революции. Если проанализировать, что получило крестьянство от Октябрьской революции в материальной части своих приобретений, то мы увидим по ориентировочному подсчету, опубликованному в «Правде» тов. Преображенским, что крестьянское население, в пределах СССР уплачивает прямых налогов меньше, чем в царское время на 1 400 милл. червонных рублей; в то же время крестьянство, освобожденное от помещиков, не платит аренды и др. поборов.

Тов. Преображенский подсчитал, что крестьяне, по сравнению с нынешним временем должны были на 1 400 милл. наших червонных рублей продавать свою продукцию без всякого для себя эквивалента. Эти материальные ценности правящий класс помещиков и капиталистов пустил за границей на предметы роскоши, не предъявляя внутри страны спроса на предметы широкого потребления, между тем сейчас, когда эти материальные ценности остаются у крестьянства, они предъявляются рынку, вызывая соответствующий нуждам крестьянства спрос.

Поэтому, если сопоставить доходы крестьянства за прошлый и текущий год при хорошем урожае с размером товарной части промышленной продукции, то мы увидим, что у крестьянства в целом должны были скопиться значительные средства, которые предъявляются на рынке, как спрос на изделия нашей промышленности. По последним контрольным цифрам Госплана подсчитано, что нами заготовлено хлеба у крестьян до 1 января 1925 г., начиная от июля прошлого года, на 227 миллионов рублей, в то время как сельско-хозяйственный налог крестьяне за то же время должны были уплатить в сумме 238 миллионов рублей, т.-е., как вы видите, крестьяне должны были уплатить налога на 11 милл. рублей больше, чем они за это время продали хлеба; это значит, что они должны были платить налог не только за счет проданного хлеба, но и из других источников

своего дохода. В этом же году хлеба у крестьян за аналогичный период заготовлено на 415 милл. рублей, а налог за то же время равен 118 милл. рублей, т.-е. мы видим, что у крестьянства доходов от одного хлеба осталось, после уплаты налога, на сумму до 300 милл. рублей. Кроме того, если мы сравним продажу хлопка в прошлом году и в этом году, то окажется, что за хлопок в прошлом году за 1-й квартал крестьяне в Средней Азии и в Азербайджане получили 83 милл. руб., в то время как за первый квартал этого года они получили 130 милл. рублей. Таким образом, если взять, с одной стороны, социальный сдвиг, который произошел благодаря Октябрю, и, с другой стороны, урожай, который дал возможность крестьянам иметь доходы и от реализации хлеба и от технических культур, то станет ясно, что товарный голод, который мы переживаем, не является сезонным, преходящим явлением.

Я должен указать еще на один момент для подтверждения этой мысли. Когда мы говорим, что промышленность наша доходит и дошла до довоенного уровня, то не надо думать, что и потребление в стране доходит тоже только до довоенного уровня. Не надо забывать, что потребности страны в довоенное время покрывались ввозом предметов широкого потребления в гораздо большей мере, чем сейчас, что бывшая Российская империя включала в себя ныне самостоятельные Польшу и Латвию, государства с высоко развитой промышленностью, работавшие на общероссийский рынок. Поэтому, если сравнить производство на душу населения в бывшей Российской империи и ныне в пределах СССР, то мы видим колоссальнейшее уменьшение производства на душу населения. Например, по чугуну в этом году мы достигнем всего лишь 59% довоенного уровня, по хлопчатобумажным тканям—63%, по коже—57%, по сахару—82%, по соли—93%; по спичкам—у меня сказано в справке—100%, но если принять во внимание качество наших спичек и количество спичек в коробке, то 100% будут только на бумаге, потому что в действительности в нашей коробке %% на 15—20 спичек меньше, чем в старой коробке. Мы даже и по спичкам не можем похвастаться достижением довоенного уровня в смысле производства на душу населения. Совершенно очевидно, что для того, чтобы мы достигли довоенного уровня потребления и производства на душу населения, нам той промышленности, которая

у нас сейчас налицо, недостаточно без ее дальнейшего расширения и развития.

Это ставит перед нашей партией и перед Советской властью задачу, которая встала перед XIV партийным съездом — задачу индустриализации нашей страны, ибо при том уровне промышленности, который у нас имеется сейчас, без отошедших от нас заводов Польши и Латвии, нужно построить еще много фабрик и заводов, чтобы производство страны на душу населения достигло хотя бы на первое время того уровня, который был в довоенное время.

Партия правильно определила сущность теперешних затруднений и наметила путь, ведущий к нашему росту и к развитию социалистического строительства. Я должен указать, что та линия и то направление, по которым мы шли, до сих пор вели, прежде всего, к увеличению производства тех орудий, которые могли поднять производственные силы сельского хозяйства. Политику цен мы, прежде всего, изменили по отношению к сельско-хозяйственным машинам. Первый опыт снижения цен был сделан в начале 1924 года, когда цены на сельско-хозяйственные орудия были назначены: червонный рубль за рубль довоенного прейс-куранта; эта политика дала блестящие результаты во всех отношениях.

Сельско-хозяйственное машиностроение первое стало становиться на ноги. Оно первое стало вводить у себя стандартизацию и улучшать свое производство, чтобы подтянуться к этим низким ценам и удовлетворить все растущий спрос. Уже в этом году производство сельско-хозяйственных машин достигло до 23 проц. от довоенного. Если сравнить те цены, по которым продаются наши изделия, то мы видим, что заграничные, даже не лучшего качества сельско-хозяйственные орудия стоят не дешевле в общем и целом, чем наши.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что развитие нашей промышленности в небывалых размерах подняло и развитие технических культур нашего крестьянства. Достаточно упомянуть, например, о хлопководстве. В 23—24 году мы имели всего 145 тысяч засеянных десятин хлопка и собрали всего только два с половиной миллиона пудов, в то время, как уже в 25 году было засеяно 590 тысяч десятин, а сбор был от 10 до 12 милл. пудов. То же самое и в отношении засева сахарной свеклы,— мы также видим усиление роста: в 24 году было засеяно до

441 тысячи десятин, а в этом году уже 576 тысяч десятин; за текущий сезон крестьяне получили от государственной промышленности за свеклу 65 миллионов рублей. Я хотел бы указать на один характерный факт, который характеризует эту цифру 65 миллионов рублей, как сдвиг, который произошел по сравнению со старыми временами. Мы знаем, что прежде сахарные заводы принадлежали капиталистам помещикам, на крестьянских землях собиралось всего 13 проц. свеклы, а остальные 87 проц. собирались с помещичьих земель. Между тем, у нас, в этом году, отношение обратное: 25 проц.— на землях национального фонда и 75 проц.— на землях, переданных крестьянству.

Я говорил уже о быстром росте числа рабочих, занятых в нашей промышленности, который облегчил так называемое аграрное перенаселение в деревне. Этот рост выразился в 28% за прошлый год, а за этот год, если считать от октября прошлого года до декабря 25 года, количество рабочих увеличилось в крупной промышленности на 465 тысяч человек.

Как развивалась за это время промышленность и какой был относительный рост частной и государственной промышленности? Здесь надо указать на безусловные и громадные успехи. С 23 — 24 г. по 25 — 26 г. вся промышленность как частная, кооперативная, так и государственная увеличилась в червонных рублях с 5½ миллиардов рублей до 11 миллиардов. В 23 — 24 гг. наша госпромышленность составляла 63 проц., в прошлом году она уже составила 67,8 проц., и в этом году, по нашим подсчетам, она должна будет составить уже 71 — 71½ проц. всей промышленности, включая и всю кустарную.

Программа, которая составлена нами на 25 — 26 г., предвидит, как я указал, рост тяжелой промышленности, т.-е. промышленности, производящей средства и орудия производства, в более быстром темпе, чем рост легкой индустрии. Мы полагали, что группа промышленности, производящей средства и орудия производства, вырастет на 55 проц., а легкая индустрия — на 45 проц. Некоторым может показаться неправильной такая политика, когда при товарном голоде, когда у нас не имеется непосредственно средств потребления — вместо того, чтобы средства направлять на тяжелую индустрию, — нам необходимо было бы эти средства направить на легкую индустрию. Но дело, как вам известно, обстоит не так. Мы знаем, что без топлива,

без транспорта, а значит без металлургии, без оборудования, — легкая индустрия не в состоянии развиваться, и поэтому для того, чтобы обеспечить будущее развитие легкой индустрии, т.-е. промышленности, производящей непосредственно предметы потребления, — для этого нам нужно создать необходимые условия: достаточную добычу металла и топлива для производства оборудования и для развития транспорта.

Я должен указать, что уже по целому ряду отраслей наше оборудование использовано почти до отказа. Эти отрасли следующие: каменноугольная, бетонная, огнеупорная, кирпичная, стекольная, хлопчато-бумажная, обувная и отчасти металлическая. Нам в этом году пришлось пустить в движение до 400 бездействовавших заводов. Таким образом, перед нами встает задача нового строительства и реконструкции промышленности, без чего ее дальнейшее развитие невозможно.

При составлении нашей программы на 25 — 26 г. мы руководствовались прямыми указаниями, которые были выработаны госпланом и подтверждены Советом Труда и Обороны, которые служили директивой для нашего развития в области промышленного производства: 100-процентное использование технически пригодного и экономически рентабельного наличного оборудования. Ограничение этой директивы допустимо лишь при наличии непреодолимых препятствий финансового и технико-организационного характера, или при отсутствии рынка. Как мы знаем, мы не натолкнулись на недостаточность рынка; наоборот, почти все наши тресты по всем областям не могут удовлетворить тех требований, которые к ним предъявляются со стороны потребителей. Некоторые наши тресты, которые не понимали состояния нашего рынка и его потребностей, ухитрялись продавать до 112 проц. своей годовой продукции, т.-е. ухитрялись продавать то, чего у них не было и не могло быть. Программы, которые нами были намечены, были приняты в максимальных размерах.

Мы в своих планах руководствовались тем экспортно-импортным планом, который был утвержден Советом Труда и Обороны по предложению Наркомвнешторга. Летом прошлого года (31-го июля) Совет Труда и Обороны, утверждая эту программу, как ориентировочную, признал, что эта программа, в общем и целом, отвечает реальным рессурсам Союза и ходу

развития народного хозяйства. Вместе с тем, я должен добавить, что выполнение нашей программы органически зависит от уровня ввоза к нам сырья, полуфабриката и оборудования. На это я хочу обратить внимание в связи с постановлением нашего партийного съезда, который указывает на опасности, связанные с увеличением нашего внешнего оборота, на опасности, которые надо преодолеть, разворачивая те отрасли нашего хозяйства, без развития которых наше хозяйство слишком зависит от заграницы. И вот, несмотря на быстрый рост хлопководства, как вы это видели из оглашенных мною цифр по хлопководству, мы все еще зависим от ввоза из-за границы и в отношении хлопка, и в отношении шерсти, и в отношении кожи. Тот хлопок, который мы заготовляем в Средне-Азиатских Республиках и Азербайджане, не удовлетворяет потребностей наших работающих заводов; то же и в отношении сукон, особенно в отношении тонких сукон и шерсти; то же и в отношении кожи. Сначала империалистическая, а затем гражданская войны в отношении овцеводства и в отношении животноводства нанесли нам большие потери, которые мы и до сих пор не наверстали. Таким образом, в этих отраслях мы более всего зависим от заграницы и, конечно, от размеров нашей экспортно-импортной программы зависит наш план и программа роста наших фабрик и заводов, которые не могут работать и разворачиваться без сырья.

Вместе с тем в построении нашего плана по программе производства по капитальным работам и новому строительству, мы исходили из тех финансовых соображений, которыми руководствовалось и наше финансовое ведомство — Наркомфин. Я не могу не прочитать здесь выдержки из статьи тов. Сокольникова в «Финансовой газете» в годовщину нашей Октябрьской революции (статья от 7-го ноября 1925 года). Тов. Сокольников писал:

«Однако, даже при более осторожном темпе масштаб хозяйственного подъема будет очень значительным. Общая сумма средств, которая будет вложена государством и всеми нашими хозяйственными органами в оборудование промышленности, транспорта, жилищное строительство, в строительство новых зданий, в ирригацию, сельское хозяйство, составит, по данным Наркомфина, 2 миллиарда рублей. Это, конечно, не мало.

«Из указанных выше двух миллиардов рублей капитальных затрат, примерно, $^1/_3$ составляют средства, которые выделяют

сами же хозяйствующие организации, а остальные $^2/_3$ идут как дополнительные средства от государства, через государственный бюджет и государственную систему кредита (в том числе заем хозяйственного восстановления). Действительно, в проекте бюджета мы имеем по графе чрезвычайных расходов 481 милл., которые пойдут на укрепление народного хозяйства (175 милл. руб. — сельскому хозяйству, 110 милл. руб. — промышленности, 75 милл. руб. — электрификации, 35 милл. руб. — кооперации, 75 милл. руб. — коммунальному кредиту, 11 милл. руб. — на борьбу с безработицей)».

Конечно, товарищи, это не только не мало, а это оказалось очень и очень много. Из этих 2 миллиардов рублей, которые по подсчетам Наркомфина должны быть найдены в нашем народном хозяйстве для нового строительства, на промышленность и на наш план капитальных работ и новое строительство падало около миллиарда рублей. В соответствии с этими планами, промышленность и должна была развертываться. 14-го августа было принято постановление СТО относительно займа хозяйственного восстановления для капитальных работ, в сумме 300 миллионов рублей. Вот юридическая и финансовая база, на которой мы стояли, и та директива, которой мы руководствовались при составлении плана развития нашей промышленности в 1925—26 гг.

Я должен указать, что особое внимание мы должны были обратить на топливный баланс. СССР является страной постоянного недостатка топлива, т.-е. при развертывании промышленности, при развитой сети железных дорог топливный баланс у нас будет очень и очень напряжен. Положение с топливом в 1923 — 24 и 1924 — 25 гг. как будто бы противоречило этому. Нам известно, что в конце 1923 — 24 гг. и в начале 1924 — 25 гг. мы не знали, что делать с донецким топливом. Мы должны были пойти на то, чтобы ввозить топливо из Донбасса в Ленинград, снизить тариф до очень низких размеров, для того, чтобы продвинуть тот уголь, который не находил себе сбыта на месте производства.

У нас вследствие нашей недостаточной опытности и новизны дела бывает часто, что мы просчитываемся. Это не только наш грех. У военных бывает—то недолет, то перелет, прежде, чем они научатся попадать в цель. Помните, когда, перед нами стала опасность топливного кризиса—все было мобилизовано на

топливо. До этого мы жгли топливо без всякого расчета. С того момента, когда мы стали упорядочивать (до сих пор оно еще не упорядочено) наше топливное хозяйство, то, оказалось, что усилия, которые были приняты нами для поднятия производства топлива, были очень велики и дали нам топлива больше, чем было необходимо для нормального снабжения промышленности. Поэтому мы в прошлом году должны были сократить быстрый темп развертывания добычи топлива. При общем увеличении процента нашего производства (на 64 проц.) в прошлом году мы видим, что добыча топлива возросла на 3 — 4 проц. именно потому, что у нас были излишки и большие запасы. В прошлом году приходилось потреблять топлива больше, чем производилось, чтобы запасы, которые были на поверхности и которые угрожали горением, уменьшить. В этом году, зимою, мы уже вошли в полосу топливных затруднений, но не столько вследствие недостатка топлива вообще, сколько из-за недостатка подвижного состава у транспорта, который не может справиться при зимних затруднениях с переброской топлива, находящегося на местах производства.

Затруднения нынешнего года уже сигнализируют серьезные затруднения с топливом в будущем году. Мы в этом году разворачиваем нашу угольную промышленность на 52 проц. и доходим до 100-процентного использования наших шахт и наших рудников. Для того, чтобы в будущие годы можно было увеличить производство топлива в степени, достаточной для нормального снабжения нашей развертывающейся промышленности, необходимо вложить в нее значительное количество новых капиталов для ее дооборудования и закладки новых шахт. Однако, в этом году, благодаря тому, что в прошлом году было перепроизводство и излишки донецкого угля, у нас замедлился темп дровозаготовок. Теперь хозяйственным органам даны указания, чтобы они озаботились заготовкой дров в достаточном количестве для будущего года. Однако, эти заготовки идут очень и очень медленно и очень скверно.

Здесь, на партийной конференции, надо указать на эту опасность; если мы ее не преодолеем, то это может затормозить темп развертывания ряда отраслей промышленности. Необходимо, чтобы наши хозяйственные органы, которые ведут свое

топливное хозяйство на дровах, обратили бы сугубое внимание на достаточную и необходимую заготовку дров в этом году.

Кроме того, тем, на что необходимо обратить серьезное внимание, как и в прошлом году,— является наша металлопромышленность. В то время, как в прошлом году мы увеличили производство по металлопромышленности на 100 проц., в этом году, благодаря загруженности наших заводов и изношенности оборудования, увеличение по плану не может превысить 70 проц. Металлический голод ощущается особенно сильно и остро. Мы не в состоянии удовлетворить тех требований, которые предъявляют нам транспорт и легкая индустрия, не говоря о крестьянском и кустарном спросе. Транспорт в этом году дал нашей промышленности заказов в два раза больше, чем в прошлом году.

Как в отношении топлива, так и в отношении металла, необходимо, чтобы наши хозяйственные органы завели у себя режим величайшей экономии в использовании топлива и металла, не преувеличивая своих требований, чтобы не обездолить ряда заводов, которые не могут иметь самого необходимого. А нам известны случаи, когда заводы и тресты запасаются на несколько месяцев, в то время, как другие не могут достать самого необходимого на несколько дней.

Отраслью, которой нам в этом году пришлось уделить особое внимание, является производство промышленно-строительных материалов. Мы надеемся, что как в области цемента и лесных материалов, так и в области красного кирпича мы кое-как концы с концами свести сможем. При известном недостатке красного кирпича мы все-таки, при экономном отношении и при использовании старого кирпича от разбираемых домов, справимся и строительную программу выполним, если не будет среди потребителей той паники, которая сейчас уже проявляется в ценах на строительный материал. В то время, как на все наши изделия цены оптовые более или менее стабильны, индекс на строительный материал увеличивается на 30—35 и даже 40 проц. Это показывает на закупки, которые ведутся в запас, и на ту спекуляцию, которая ютится вокруг этого материала. И партии, и хозяйственным организациям необходимо обратить на это сугубое внимание.

Если обратиться сейчас к тому, как же выполнена программа, намеченная нами за первый квартал, то я здесь должен указать, что программа эта в общем и целом выполняется. По нефти она выполнена за первый квартал на 100 проц., по каменному углю на 97 проц., по хлопчато-бумажному производству на 100 проц. и даже с превышением. На лесные материалы по 120 проц., на табачные — 120 проц., на металлические изделия программа выполнена не полностью — около 83 — 85 проц. Причины невыполнения программы кроются в старом, крайне изношенном, оборудовании, которое подвергает производство очень частым авариям и остановкам.

В общем и целом, если мы возьмем в денежном выражении производство за первые 3 месяца этого года, то, по последним данным, это производство выразится в 825 милл. руб. по нашей крупной промышленности, что составит, по сравнению с первым кварталом прошлого года, прирост на 51 проц., а по сравнению с четвертым кварталом истекшего года — прирост на 22 проц. Если же сравнить с средним уровнем прошлого года, то тогда процент роста будет равен 33 проц. Это значит, что если наша промышленность удержалась и остановилась на том уровне, которого она достигла за этот квартал, то мы имели бы превышение против прошлого года на 33 проц.

Мы не должны забывать, что тот уровень, прироста которого мы достигли в этом квартале — 33 проц., есть такой рост, которого ни в одной из стран нет не только для квартального, но даже для годового масштаба. Цифры бешеного темпа развертывания производства в последние годы нас избаловали. Когда мы несколько замедляем этот бешеный темп развития, нам кажется, что происходит большая заминка. Я должен указать, что ленинградская металлопромышленность за первый квартал выполнила 93 проц. программы, тогда как вся металлопромышленность выполнила 83 проц. Электротехническая промышленность выполнила 82 проц.

Перейдем к подводным камням, к трудностям на нашем пути.

Первый подводный камень, который наметился в начале ноября, который мы чувствовали и понимали, но не могли тогда определить в цифровых выражениях, этот подводный камень был в области экспорта. Тот план, на котором мы базировали

развитие нашей промышленности, оказался несколько оптимистическим и потребовал значительного сокращения, так как ход заготовок показывал, что экспорт в таких размерах по отношению к хлебным и сельско-хозяйственным культурам выполнен быть не может. Это сокращение необходимо было сделать во что бы то ни стало, в связи с ходом хлебозаготовок, потому что, как вам известно, мы имели в прошлом году пассивный баланс по внешней торговле.

Иметь пассивный баланс по внешней торговле, это значит притти в состояние, которое мы переживали в 23 г., или попасть в положение, которое переживает сейчас Польша. Благодаря дефицитному бюджету, благодаря пассивному балансу торговли с заграницей Польша пришла к государственному банкротству. Благодаря падающей валюте в Польше крестьянское население было экспроприировано. Оно не могло иметь никаких сбережений. Сбережения эти утрачивали изо-дня в день свою ценность. Благодаря этому спрос на промышленные изделия сократился, и половина польского пролетариата осталась без работы.

Совершенно ясно, что наш ЦК и наше Советское правительство не могли итти по той дороге, с которой мы сошли, и по той дороге, по которой идет сейчас Польша. Но это обозначало не только сокращение экспорта—это обозначало необходимость сокращения импорта.

Перед нами встал вопрос—что сокращать в нашем импорте? И вот здесь мы уперлись в факт, что нам нельзя было избежать того, чтобы не сократить, до некоторой степени, покупки хлопка, шерсти, кожи, резины и предметов сельско-хозяйственного обихода. В этом направлении было произведено сокращение. Мы не могли сократить целиком ввоз предметов широкого потребления, потому что эти предметы (в утвержденной программе 25 — 26 г.) были закреплены еще летом 1925 г. На них были произведены издержки и, таким образом, мы лишены были возможности сократить их настолько, насколько надо было при теперешнем положении вещей.

Откуда возникли эти затруднения? Является-ли это указанием на то, что нами, партией и правительством взят неверный курс на индустриализацию страны, на расширение производства, или здесь имеются лишь временные, первоначальные, если можно так выразиться, ошибки, связанные с нашей учебой.

Я думаю, что сейчас имеет место последнее. Мы просчитались. Мы не рассчитали того, что раньше, чем производить хлебозаготовки для экспорта в таком большом масштабе, необходимо было в достаточной степени обеспечить внутренний рынок. В результате этого, наши хлебозаготовители, бросаясь в первую очередь на хлебные заготовки для экспорта, забывают о насыщении внутреннего рынка, и наш внутренний рынок стали снабжать частные заготовители, которые стали вздувать неслыханные цены на хлеб.

Вторым просчетом было то, что нашим хлебозаготовительным органам мы дали слишком много средств, слишком много денег на хлебозаготовки, предварительно не обеспечив достаточного снабжения хлебозаготовительных органов промышленными изделиями. Если мы даем крестьянину за хлеб деньги и крестьянин на них не может купить промышленных изделий, он перестает продавать свой хлеб, а пущенные в оборот деньги бесполезно, или даже во вред государству, продолжают обращаться.

В наших планах, задуманных правильно, была предвидена покупка за границей предметов широкого потребления, для того, чтобы недостаток промышленных изделий, вытекающий из недостаточного развития нашей промышленности, покрыть заграничными изделиями. И, действительно, если бы заграничные продукты были бы приобретены во-время, в добавление к нашим изделиям, то они дали бы нам возможность реализовать хлеб. Хлеб реализовался бы в валюту и эта операция целиком оправдала бы себя. Но, именно, здесь получилась заминка в нашем внешторговском аппарате. Получился разрыв по линии своевременного срока закупки и качества предметов потребления, пришедших слишком поздно, с одной стороны, а с другой стороны, оказавшихся крайне низкого качества. Вы об этом читаете в газетах, и в совещании по качеству при президиуме ВСНХ СССР эта недоброкачественность привезенных из-за границы товаров была вполне доказана.

Отчего же получилось это явление? Оттого, что мы к этому урожаю не были достаточно подготовлены. Нельзя притти за границу и сказать: дай мне товаров на 100 миллионов. Ясно, что с такой поспешностью мы купить того, что нам нужно не могли. Успеха, на который была рассчитана эта операция, не

получилось. Наоборот, операция принесла нам сейчас не малый вред и теперь нам приходится, — так как мы маневр свой до конца не довели и достаточного количества хлеба не собрали, — сокращать ввоз того, что мы оставили на вторую очередь, что сейчас является для нас самым необходимым, а, именно, — ввоз сырья, полуфабрикатов и оборудования. Эта мера сокращения, столь болезненная для нашей промышленности, для отдельных фабрик и заводов, никоим образом не может быть подвергнута сомнению. Правильность ее не может оспариваться, ибо мы и в первый квартал 1925 — 26 г. имели пассив по балансу внешней торговли. Мы должны были вывозить золото для покрытия этого пассива. Вместе с тем, нам пришлось так сократить программу, что это обратило на себя внимание всех хозяйственных и партийных органов. Вопросы, связанные с экспортом, пришлось обследовать. Почему у нас экспорт уменьшается?

В самом деле, почему он сокращается в то время, как имеется целый ряд сообщений, целый ряд обследований, указывающих, что, например, на Северном Кавказе, по сообщению тов. Эйсмонта, после того, как весь план хлебозаготовок будет выполнен, еще останется до 130 милл. пуд. излишков, потому что заготовка хлеба идет не в том темпе, в котором это должно было бы быть.

Одна из причин этого явления заключается в следующем. Наши экспортеры вывозят изделия, сырье за границу, получают за это валюту и сдают ее в государственный банк, получая взамен червонцы. Если сравнить покупную способность червонца у нас на рынке и иностранной валюты на заграничном рынке, то окажется, что на ту валюту, на которую наши экспортеры продают свои заготовки, они могли бы за границей купить гораздо большее количество изделий, товаров, чем на те червонцы, которые они получают в обмен на валюту, т.-е. наши экспортеры теряют на том, что они вместо валюты получают червонцы, и для целого ряда трестов заграничные цены в переводе на червонцы являются убыточными. В то же время для импортеров, получающих валюту от правительства за червонцы и привозящих из-за границы для себя машины, оборудование, сырье и т. д., — эта операция весьма выгодна, так как червонцы, обмененные на валюту в Госбанке, дают им возможность купить гораздо больше, чем на эти червонцы можно купить

у нас. Таким образом, у нас экспортеры теряют, импортеры — выигрывают; в этом кроется причина контрабанды, достигающей громадных размеров по импорту, в то время, как контрабандно экспортируется единственный товар — золото.

Предложение некоторых товарищей о понижении курса червонца по отношению к золоту, в целях устранения этого явления, является в условиях товарного голода совершенно неправильным.

Мы должны рассматривать и выигрыш импортера и проигрыш экспортера с точки зрения единого советского хозяйства. Если экспортер проигрывает, то государство в целом не проигрывает, оно выигрывает, потому что мы имеем более твердую валюту, и импортеры имеют соответствующую пользу. Поэтому нам необходимо наш экспорт поддерживать из государственных средств, хотя мы не можем безубыточно вывозить.

В отношении экспорта леса, где благодаря высокой попенщине и снижению цен, по сравнению с довоенным уровнем, экспорт становится особо убыточным для лесоэкспортных организаций, нужно обратить особое внимание на те меры, которые намечены и приняты по упорядочению вопроса с попенщиной, по понижению себестоимости; лучше дать 1 — $1^1/_2$ — 2 милл. рублей из государственных средств для поддержания экспорта, чем лишиться валюты.

Для того, чтобы поднять наш экспорт, необходимо повести жесточайшую борьбу с тем неслыханным ростом розничных цен, который мы имеем на низовом рынке. Я об этом буду еще в конце своего доклада говорить по вопросу о рознице. Здесь я только упоминаю об этом в части, относящейся к экспорту. При дороговизне розничных цен на промышленные изделия, цены на сельскохозяйственную продукцию и сельскохозяйственное сырье растут, и экспорт дает убыток.

Почему цены на сельско-хозяйственную продукцию растут? Они растут, — я утверждаю, — исключительно потому, что мы до сих пор не научились доводить изделия советской промышленности до крестьянского низового потребителя, который имеет хлеб и сырье, по справедливым ценам, с такими надбавками, которые могли бы оправдать все расходы, связанные с передвижением товара от фабрики к низовому потребителю. Поэтому, для того, чтобы поднять экспорт, надо обратить сугубое внима-

ние на борьбу с розничными ценами и на поддержку экспортных операций наших хозяйственных органов.

Одним из органических недостатков нашей внешней торговли было то, что внешняя торговля была не только государственной монополией, но монополией одного ведомства, которое по отношению к другим, весьма заинтересованным ведомствам, относилось враждебно, замкнуто. На этой почве происходили в торгпредствах и разных торговых организациях неслыханные злоупотребления и ужасное загнивание. Пленум ЦК еще до съезда реорганизовал Нарковнешторг. Он слил его с Внуторгом и установил, что к делу внешней торговли должны быть привлечены заинтересованные хозяйственные органы. Неорганизованность внешней торговли была причиной неудачи того маневра, который мы пытались сделать.

Кроме этой экспортной и импортной трудности, мы натолкнулись, в связи с общим положением и состоянием нашего рынка, о чем я уже говорил, на другое затруднение — на затруднение с финансированием нашей промышленности. По кредитному плану на первый квартал предполагался рост текущих счетов во всех банках на 324 милл. руб., тогда как в действительности это предположение не оправдалось.

Мы видим, что в продолжение ноября и декабря текущие счета в наших банках не только не увеличивались, но сокращались. На 1-е октября текущих счетов было на 1 миллиард 82 милл., на 1-е ноября — 1 миллиард 61 милл. руб., т.-е. на 21 милл. меньше, а на 1-е декабря было 1 миллиард 54 милл., т.-е. меньше на 7 милл. рублей, чем в предыдущий месяц. И только на 1-е января стал наблюдаться прирост текущих счетов, который за месяц выразился в 75 милл. рублей, а за целый квартал — в 43 милл. руб. Таким образом, тот план кредитования промышленности, который был рассчитан на 324 милл. прироста текущих счетов, не мог быть осуществлен и поэтому кредитование промышленности и торговли за это время было самым резким образом сжато.

На текущий квартал был принят план Госбанка, предполагающий увеличение кредитования промышленности по Госбанку за весь квартал в размерах, значительно меньших, чем этого требуют минимальные нужды промышленности. Совет Труда и Обороны принял предложение Госбанка с необходимой осто-

рожностью, дабы не попасть в такое положение, в какое мы попали за первый квартал, когда составленный план даже в минимальной степени не был и не мог быть осуществлен, и одновременно постановил, что, по мере роста текущих счетов против предположенного плана Госбанка, соответствующим образом должно быть увеличено финансирование нашей промышленности.

Уже первые месяцы выполнения этого плана не оправдали пессимизма Госбанка. Как я уже сказал, у нас — постоянные перелеты и недолеты, и на этот раз с нами тоже случился недолет. Уже за февраль месяц, по последней справке, прирост текущих счетов за один январь составляет 60 милл. рублей. Это доказывает, что финансовое состояние наших банков несколько изменяется к лучшему. В то же время по сведениям, полученным от Хлебопродукта, можно утверждать, что последняя декада января и первая декада февраля и в области хлебозаготовок дала некоторый поворот в лучшую сторону. Таким образом, если нашей партией во всех ее организациях на местах будет развернута необходимая деятельность по усилению заготовительных операций для экспорта, то мы можем надеяться, что то положение и та перспектива, которая рисуется нам с точки зрения положения сегодняшнего дня, несколько изменится к лучшему.

Однако мы не должны закрывать глаз на все те подводные камни, которые могут нас ожидать, для того, чтобы в случае необходимости принять нужные меры. Одним из таких явлений являются затруднения для нашей промышленности в отношении ряда сырьевых предметов. Так, у нас имеются некоторые затруднения благодаря слабому финансированию по хлопку; то же самое — по козьей шерсти. Должен указать, что в этом отношении частный скупщик начинает все большее и большее место занимать в заготовках. Это органически связано с слишком большой дороговизной на наши промышленные изделия для низового крестьянина-потребителя, и поэтому мы должны на факт расширения деятельности частных скупщиков и частной торговли обратить сугубое внимание и увязать кампанию по вытеснению частного скупщика государством с кампанией по снижению розничных цен для потребителя.

Перехожу к вопросу о размерах необходимого сокращения программы в том случае, если программа экспорта и импорта

не будет расширена, если экспорт не удастся увеличить. Мы подсчитали, что это сокращение в валовой продукции должно будет выразиться в 25—26 году в 450 милл. червонных рублей. Это будет обозначать сокращение нашего производства на 7, точнее на 6,9%, в среднем, а если считать в довоенных рублях — это будет означать сокращение прироста нашей программы с 49%, о которых я говорил, до 39% в год, без учета в этой программе расширения по сахару на 9 милл. пудов, т.-е. на 43 милл. червонных рублей, благодаря высокому урожаю свеклы. Кроме того, можно ожидать по второстепенным производствам, например, по льняному, шелковому, некоторого увеличения наших программных предложений.

Таким образом, если бы нам даже не удалось расширить нашу импортную программу, сокращение составило бы около 350—400 милл. червонных рублей. Это сокращение, вследствие недостаточного ввоза хлопка, шерсти и кожи, падает большей частью на легкую индустрию. На тяжелую индустрию сокращение падает только четырьмя с половиною процентами, в то время, как на легкую индустрию до 8,8 проц. **Этот факт показывает, насколько правильной была принятая нашим съездом резолюция, указывающая на необходимость развития тех отраслей, которые делают нас более независимыми от внешнего капиталистического мира.** И, действительно, этот год должен заставить нас принять необходимые меры для развития нашего хлопководства в Средне-Азиатских и Азербайджанской республиках. Нужно также проводить более энергично те меры по отношению развития овцеводства, которые уже начаты по инициативе ВСНХ и Наркомзема РСФСР. Нами организовано общество с капиталом от 5 до 10 милл. рублей, в которое наша суконная промышленность вносит 5% своих прибылей, согласно постановления Совета Труда и Обороны, для того, чтобы развить у нас в стране производство до максимальных размеров. Таким образом, мы на этом примере видим, как интересы развития нашей промышленности органически связаны и связываются с интересами крестьянства.

То сокращение, которое вытекает из сокращения импортного плана отдельных отраслей, выражается в следующих цифрах: для **кожевенной** промышленности программа производства

сокращается с 174 милл. довоенных рублей до 163 милл., т.-е. на 7%. Но именно здесь, в кожевенной промышленности, может произойти заминка больше, чем это отвечало бы семипроцентному сокращению. В кожевенной промышленности за истекшие месяцы целый ряд трестов шел выше программы, и поэтому на остающуюся часть года им придется сжимать свою программу в большей мере. Так, например в каждом остающемся месяце придется замачивать вместо 750 тыс. кож по плану только 480 тыс., т.-е. на 16% меньше. Для некоторых трестов, которые слишком далеко зашли вперед в осуществлении плана, это сокращение может простираться даже до 25%.

Придется остановку фабрики на летний период продолжать с 14 дней, быть может, до 30 в среднем. «Красный Поставщик», который предполагалось пустить в апреле-мае, при таком положении с сырьем, конечно, пущен не будет.

Что касается химической промышленности, то здесь некоторое сокращение должно коснуться жировой промышленности. Сокращение это будет небольшое.

Что касается металлопромышленности, то здесь в общем и целом сокращение на работе фабрик и заводов всей металлопромышленности почти не отзовется. Оно отзовется до некоторой степени на небольшой сравнительно группе около 300 рабочих по выработке алюминиевой посуды. Конечно, такое сравнительно небольшое количество квалифицированных рабочих можно будет разместить и сохранить. Кроме того, придется обратить внимание на размещение около 2 000 рабочих, работающих по выработке оцинкованного железа. Эти сокращения связаны с сокращением ввоза олова, цинка и алюминия.

Что касается бумажной промышленности, то ее программа в общем будет сокращена немного, процента на 4. По всей вероятности, у некоторых фабрик, которые работают на импортном полуфабрикате, придется несколько увеличить летнюю остановку, на три недели. Конечно, это будет зависеть от того, насколько удастся увеличить переработку и использование нашего сырья.

Что касается электропромышленности, то здесь сокращение могло бы коснуться небольшого количества рабочих на аккумуляторном заводе, около 50 чел. Ясно, что такое количество электропромышленность сможет разместить.

Самое тяжелое положение, это у **хлопчато-бумажной** промышленности. Здесь нам не будет хватать в этом году около 4 милл. пудов хлопка, в связи с надеждами, которые у нас были на собственный урожай в размере $11^1/_2$ милл. пудов, тогда как он сейчас сокращается до $10^1/_2$ милл. пудов, а некоторые пессимисты говорят, что и до 10. ВСНХ СССР полагает, что мы будем иметь $11^1/_2$, только возможно, что некоторая часть хлопка просочится на рынок окольным путем, так сказать, помимо Главхлопкома. Но это — другой вопрос. Здесь уже придется, совместно с Главхлопкомом и трестами, наметить линию улавливания этого хлопка. Необходимо, чтобы между нашими трестами не произошло ненужной борьбы и повышения цен на хлопок. Остановку некоторых фабрик на некоторое время сделать придется, чтобы не увольнять рабочих. Для некоторых фабрик эту остановку придется произвести до 35—50 дней.

Что касается **шерстяной** промышленности (на Ленинграде остановлюсь особо), то здесь произошло сокращение программы в метрах на 6,7 проц. — с 61 милл. метров мы дошли до 43 милл. метров. Таким образом, нам придется ряд фабрик, сверх двух недель, остановить на 3 недели, даже на месяц, а по камвольному тресту остановить до 2-х месяцев. Эту продолжительность остановки фабрик можно изменить путем применения нашего производства к тому положению, в котором мы оказались, путем облегчения ассортимента, облегчения тканей. Чтобы при том же количестве хлопка можно было произвести большее количество ткани, можно дать тканей более легких, более дешевых; тут не должно происходить никакого надувательства, нужно говорить открыто относительно более легкого ассортимента, который даст возможность растянуть производство на более длительный срок, используя всех рабочих; не менее важно и то, что мы не можем уменьшить наше производство в количественном отношении до таких размеров, чтобы реализация нового урожая в этом году осталась без достаточного количества товаров. Председатель камвольного треста, тов. Дейч, указывал, что он должен перейти по камвольному тресту с городских сортов на деревенские сорта, которые будут гораздо дешевле по цене, которые при том же количестве тонкой шерсти могут дать гораздо большее количество ткани.

Что касается **Ленинграда**, то по **текстильной** промышленности Ленинград находится не в особо хорошем положе-

нии, так как выработка его не дошла до максимальной нормы, до которой она могла бы быть доведена при тех замыслах и плане, которые первоначально намечались. Таким образом, при удержании декабрьского уровня, возможно, что после пасхального перерыва придется при том хлопке, который Ленинград будет иметь, сократить план: возможно, что придется несколько подогнать размер производства по сравнению с декабрьским. Тут трудность заключается в том, что Ленинград работал на более чистых и более легких сортах. Что касается шерстяной промышленности, то можно ожидать простоя в Ленинграде не более 2 — 3 недель. Будет известная задержка с шлиссельбургской ситценабивной фабрикой, которую временно не нужно пускать, потому что будет иметь место трудность получения суровья.

Что касается резины, то у нас затруднений в годовом плане не было, а были в первом квартале, в начале января, из-за пассивного нашего баланса, из-за отсутствия валюты, необходимой для того, чтобы оплатить те сделки, которые были произведены по резине. Но этот вопрос уже благополучно разрешен и, таким образом, резиновая наша промышленность в смысле производства в текущем году будет обеспечена, она должна быть сокращена по тому плану, который вытекает из сокращения программы запасов на 1-е октября 1926 года—вместо 6-месячного запаса, как должно было быть по плану,—придется сократить до 2-месячного запаса.

Во всяком случае, именно в таких отраслях, как резиновая, шерстяная и хлопчато-бумажная промышленность, необходимо будет всем нашим хозяйственным органам проявить колоссальнейшую экономию в расходовании сырья. Мы знаем, что Германия во время войны оказалась в отношении резины в очень тяжелом положении и, однако, она сумела вывернуться. Точно так же та заминка, которую мы сейчас переживаем, должна безусловно нас в этом отношении несколько научить изворотливости, научить выходить из такого довольно тяжелого положения.

Сокращенный план импорта больше всего ударил по статье оборудования. Если вспомнить, что по одной Югостали в течение первого квартала из-за изношенности оборудования было 48 аварий с остановками и простоями в производстве, то легко представить себе, какое огромнейшее значение имеет обо-

рудование. Наше правительство ведет переговоры с Германией о получении долгосрочного кредита, налицо все данные к тому, чтобы этот договор был заключен. Германская промышленность, потерявшая рынок, переживает очень острый, неслыханно-тяжелый кризис. В Германии количество безработных дошло до 4 милл. человек. Поэтому, предоставление нам кредитов, которые будут нами реализованы в смысле оборудования нашей промышленности, даст возможность пустить в движение ряд фабрик и заводов и, таким образом, смягчить ужасную безработицу, которая губит Германию. Переговоры ведутся довольно давно; немецкие банкиры предъявляют нам чрезвычайные требования, думая, что мы без оглядки на эти требования пойдем, — конечно, кабальных условий мы принимать не будем, но мы безусловно уверены, что в интересах и германской промышленности, и в наших интересах мы заключим выгодный для обеих стран договор по использованию этих кредитов.

Теперь я должен перейти к кредитам для капитальных работ и переоборудования всей нашей промышленности. Первоначальный план наш был — произвести в этом году капитальных работ на 931 милл. рублей. Вы помните цифру, которую называл тов. Сокольников, — 2 миллиарда руб. для всех капитальных работ. 931 милл. рублей — цифра, отвечающая общему двухмиллиардному расходу по всему народному хозяйству. Благодаря тому, что целый ряд работ нами не может быть произведен, мы, в связи с обще-финансовым положением, учтя весь оборотный и основной капитал, пошли на сокращение этого плана на 20%, т.-е. до 746 милл. руб. 12 февраля должен рассматриваться в СТО вопрос относительно этой нашей программы, уже сокращенной по сравнению с предварительной. Эта сумма распадается на три части: 550 милл. руб. — на капитальный ремонт, рационализацию и переоборудование уже существующих заводов, 110 милл. — на новое строительство и 86 милл. — на жилищное строительство.

Некоторые упрекали нас в том, что одной из причин такого финансового напряжения, которое мы переживаем, явилось чрезмерное расходование средств нашими трестами и хозяйственными организациями на капитальные работы; этот упрек неправилен. В самом деле, по тем данным, которые мы собрали от всех трестов, вытекает, что за три месяца и 20 дней января, т.-е. приблизительно за 15 недель, мы произвели расходов день-

гами и материалами на 150 милл. руб., при чем 80 милл., т.-е. больше половины, мы получили по займу хозяйственного восстановления, по фонду из реализации неликвидного имущества и по бюджету. Таким образом, на оборотные средства самой промышленности легло 70 милл. руб., в то время, как за первый квартал и 20 дней мы рассчитываем, что амортизационные отчисления и прибыль равняются не менее 150 милл. руб.

Таким образом, ясно совершенно, что то накопление, которое происходило в самой промышленности, вместе с теми средствами, которые получены за это время от государства, было большим, чем мы непосредственно расходовали как материалами, так и денежными средствами на капитальные работы. Если же взять не только расходование материалами и деньгами, но и обязательствами, которые выданы промышленностью на строительство, материалы по заказам и проч., то и в таком случае общая сумма не превысит 313 милл. руб. (при чем в этих заказах имеются уже обязательства, которые должны быть реализованы во-второй половине года), тогда как в прошлом году всех капитальных работ по промышленности было произведено на 360—400 милл. руб.

Спрашивается: на что мы рассчитывали в отношении финансового обеспечения, составляя такую программу капитальных работ и развертывания нашей промышленности? В 23 г., когда со стороны ВСНХ был поднят вопрос о необходимости социалистического накопления, о восстановительных ценах, и когда эти цены были так высоки, что никто не хотел брать наших изделий, тогда разговоры о социалистическом накоплении были совершенно праздными и пустыми разговорами, ибо не была подведена база под промышленное развитие. Но именно в настоящее время, когда существует не избыток наших изделий, а несоответствие между уровнем нашего производства и платежеспособным спросом населения, при товарном голоде, — вопрос социалистического накопления является одним из самых основных вопросов, который должен стоять в порядке дня и партии и советской власти — именно: вопрос о накоплении средств, которые дали бы нам возможность переоборудования. Ибо, если мы взяли в Октябре власть для того, чтобы свергнуть буржуазный порядок во всем мире, то теперь с тем устарелым оборудованием, на котором мы работаем на

наших заводах, мы не в состоянии перевернуть весь мир и все его взаимоотношения. Поэтому мы должны находить у себя источники и средства для нашего социалистического накопления, для реконструкции, переоборудования и постройки новых заводов.

Я утверждаю, что, хотя прибыль наша из года в год растет, тем не менее, она крайне незначительна по сравнению с теми задачами, которые сейчас на ближайший период стоят перед нами. Эта прибыль была по всей промышленности, как местной—союзной, так и республиканской, за 3 последних года (последним я считаю текущий 25 — 26 г.) — 105, 346 и 480 милл. рублей. Это была чистая прибыль. В этом году мы рассчитываем иметь 480 милл. руб. В некоторых трестах наши расчеты пойдут в сторону уменьшения прибыли в связи с целым рядом невязок, которые были в производстве, в связи с несоответствием продуктивности, производительности труда с зарплатой, о чем я буду еще говорить, и по целому ряду других причин.

Благодаря авариям, которые имели место, прибыль эта уменьшается. Но, с другой стороны, когда мы рассчитывали эту прибыль, мы исходили из того, что в этом году мы можем цены снизить приблизительно на 5%, тогда как при том положении, в котором рынок находится, говорить о снижении отпускных цен не приходится. Ибо, что было хорошо в 23—24 гг., то не может иметь место сейчас, когда розничные цены на 100 и больше проц. выше наших отпускных цен; если мы сократим сейчас нашу отпускную цену, то разница попадает не крестьянину, а посреднику, который поглотит эти деньги. Поэтому, в этом году не следует сокращать цен. Я говорю об этом, как о правиле, не говоря об отдельных случаях. Но все-таки мы надеемся, что эта прибыль в 480 милл. руб. останется.

Тут я хочу указать на наши достижения. Я указал цифры чистой прибыли; она получилась после покрытия убытков, а убытки нашей промышленности из года в год уменьшаются; в 23—24 г.г. убытки были 69 милл., в прошлом году — 30 милл. и в этом году—14 милл. Таким образом, мы видим, что из года в года убытки уменьшаются.

Прибыль является источником нашего финансирования и нашей финансовой базой. Другим источником является государственный бюджет. Наша государственная промышленность— это не то, что частно-капиталистическая, которая создает при-

был для собственников. Наша государственная промышленность развивается для того, чтобы удовлетворить потребности страны, а потребности нашей страны — сельского хозяйства и всех других отраслей народного хозяйства — сейчас уперлись в самое слабое место—в недостаточное развитие нашей промышленности. Всему нашему народному хозяйству крайне нужны новые заводы, сельско-хозяйственные машины, тракторные заводы, инструментальные заводы, расширение вагоностроительных и паровозостроительных заводов, ибо, если мы этого не сделаем,—мы остановим все развитие нашего народного хозяйства, а останавливая развитие нашего хозяйства, мы, как Советская власть, обанкротимся и не будем в состоянии вывести на широкую дорогу освобожденных рабочих и крестьян. Поэтому вопрос о государственной промышленности есть вопрос и государственного бюджета.

Если обратиться к тому, сколько брал государственный бюджет от промышленности и сколько он давал промышленности, мы увидим следующую картину. Я оглашу интересные цифры, которые показывают, какое значение с точки зрения финансовой имеет промышленность для государства. В 1923 — 24 гг. промышленность уплатила подоходными налогами 65 милл. руб., а получила от государства 76 милл. руб. Таким образом промышленность взяла от государства на 11 милл. рублей больше. В 1924—25 гг. промышленность дала 142 милл. руб., получила — 109 милл., т.-е. промышленность дала государству на 32 милл. больше, чем получила от него. В этом году промышленность дает 214 милл., а получает — 187 милл. Таким образом, промышленность дает государству 27 милл. рублей.

В чем заключается роль государства? Наше государство берет прибыли от одних трестов, от тех, которые работают с большими прибылями, и перераспределяет эти деньги между другими отраслями, которые нуждаются, так как своих средств не имеют. Мы видим, что государство не несет затрат на нашу промышленность, а промышленность является одним из величайших орудий для получения дохода для государства, потому что косвенные налоги увеличиваются пропорционально развитию промышленности. Страна нуждается в ситце, в сахаре, в металле, и может платить государству за сахар, который стоит 4 — 5 рублей, чтобы поставить на ноги промышленность.

И мы видим, что доходы от промышленности увеличиваются. В 1923—24 году было 411 милл. руб., в прошлом году — 804 милл., а в этом году — 1341 милл. Таким образом, роль промышленности заключается в том, чтобы собирать доходы от страны и передавать их государству. Эта передача растет из года в год. В 1923—24 г. доля дохода от промышленности составила 18 проц., в прошлом году — 26 проц. и в нынешнем — 32 проц. Таким образом, мы видим, что промышленность не является источником инфляции, что не она выкачивает из печатного станка деньги, что, наоборот, она является тем орудием, при помощи которого может быть налажено финансовое хозяйство страны.

Затем мы рассчитываем и рассчитывали на заем для хозяйственного восстановления, который был утвержден СТО 14 августа и который, правда, не осуществляется в полной мере в связи с финансовыми заминками. В 4-й квартал 24—25 г. мы получили 18 милл., до этого времени должны были получить 25 милл., получили 20, недостающие 5 милл. дополучили в этом квартале. В этом квартале мы должны были получить 20 милл., получили — 6. Но есть заем, который не отменен, он равняется 144 миллионам, это — заем для промышленности.

Кроме того, ВСНХ и Госбанк выдвигают сейчас вопрос о выпуске краткосрочного займа в 100 милл. рублей, который явился бы займом хозяйственного восстановления. Этот заем добровольный, за него и партия, и советские органы, и профессиональные органы должны были бы поднять широкую агитацию. Этот вопрос еще не получил утверждения правительства. Я должен предупредить, что коллегия Наркомфина отбросила этот проект, считая его несвоевременным. Тов. Шейнман, председатель Госбанка, считает его в высшей степени целесообразным. Мы, президиум ВСНХ СССР, считаем, что именно теперь, когда у населения имеется большое количество денег, которое оно может реализовать, вследствие недочета товаров, в этом займе мы могли бы заинтересовать довольно широкие слои рабочих и служащих, развив широко агитацию и связав заем с дооборудованием и постройкой определенных фабрик и заводов.

Затем мы рассчитываем на краткосрочное кредитование. Рост краткосрочных кредитов из года в год увеличивался. Вот цифры нашего роста в этом отношении. Наша задолженность

банкам на 1-е октября 1923 г. — 162 миллиона, на 1-е октября 1925 г.—962 милл. За год кредитование промышленности банками увеличилось почти на 500 миллионов. В этом году для выполнения той программы, о которой я вам докладывал, нам надо получить прирост кредитования около 450 миллионов, т.-е. меньше, чем прирост за предыдущий год. Спрашивается, имеются ли в стране эти средства? Безусловно имеются, потому что налицо товарный голод, а это значит, что есть деньги, только надо уметь найти методы, как увеличить взносы в сберегательные кассы, как заставить хозяйственников держать свои деньги в банках, и т. д. и т. п.

Может быть, наша промышленность слишком много пользуется чужими деньгами? На это можно тоже дать ответ совершенно определенный. До войны, в 1911 — 12 гг., акционерные общества на один свой рубль имели $2^1/_2$ руб. чужих средств путем всяких облигаций, кредитов и т. д. А мы на один свой рубль имеем 54 коп. чужих средств, т.-е. в пять раз меньше, чем в старое время. Конечно, в прежнее время в стране было больше сбережений. Но я утверждаю, что, безусловно, явление товарного голода показывает на то, что и у нас сейчас деньги есть, потому что товарный голод и обозначает, что деньги-то имеются, а товаров нет. Следовательно, надо в этом направлении поработать.

Безусловно, в виду того, что рост чужих средств прибывает в недостаточном размере, мы в этом году должны пойти дальше в использовании своих собственных средств, т.-е. ускорить обороты капитала. По нашему плану мы должны были иметь в этом году на 1 руб. нашей продукции 69 коп. оборотных средств, тогда как в прошлом году на 1 руб. продукции мы имели 76 коп., а в позапрошлом году — имели 1 руб. Мы должны были за 2 года сократить количество оборотных средств с 1 рубля до 69 к. Это наше стремление иметь на 1 руб. продукции 69 коп. оборотных средств, конечно, дает в среднем большое напряжение. Здесь надо смотреть в оба, чтобы не сорваться с сырьем и с топливом, чтобы был достаточный фонд, чтобы выплатить своевременно зарплату и т. д.

Но заграничная буржуазия, наши враги, например, Форд, имеет капитал, который оборачивается больше чем 150 раз в год. Из этого вытекает, что задачу оборота, ускорение оборота

нельзя разрешить только усердием, волей, желанием, а нужно проработать, нужно, главным образом, изучить технику. Мы посылаем за границу наших инженеров. Наши работники ездят туда учиться: как поставлена техника, какова механика, которая дает возможность, имея 1 милл. рублей, выпустить товара в год на 150 милл. рублей.

Перейду к одному из основных элементов всех наших вопросов — вопросу о труде. Если говорить об успехах, то нужно сказать, что в то время, как всюду и везде у наших соседей, идет дело на ухудшение быта рабочих, на разрешение всех неудач за счет рабочей силы, — мы своими достижениями на протяжении этих лет могли бы похвастаться, если бы это было нужно.

За короткий срок нам удалось заработную плату по всей промышленности довести до довоенного уровня, не присоединяя к заработной плате тех дополнительных затрат, которые связаны с социальным страхованием, коммунальными услугами и т. д. В этом отношении в Ленинграде и в Москве, в связи с тем, что тут группируются весьма квалифицированные и культурные рабочие, заработная плата превзошла уже довоенный уровень. Я в своем докладе на III Съезде Советов в апреле о росте производительности труда, о росте заработной платы говорил, что производительность труда превышала темп своего развития, темп роста заработной платы.

Если разбить год (от 1 октября 1924 г. до настоящего времени) на два периода, — один период до мая включительно, а другой — от мая до настоящего времени, то мы видим два совершенно определенных периода, характерных в том отношении, что от октября до мая кривая, указывающая рост выработки на одного рабочего за месяц, дошла до 31,5 проц., в то время как заработная плата в товарных рублях, увеличилась только на 3 проц., а в червонных рублях — на 14 проц. Таким образом, мы видим, как происходило накопление материальных средств промышленности, видели ту базу, на которой промышленность могла получить новые средства и ринуться для дальнейшего своего развития.

Второй период, от мая до декабря включительно, был периодом пониженного выпуска на одного рабочего. Я оглашу выработку рабочего из месяца в месяц в довоенных рублях по всей промышленности. Эти данные говорят кое-о-чем, над чем надо призадуматься и дать совершенно отчетливый ответ.

Выработка на одного человека в довоенных рублях с мая месяца претерпевает следующие изменения: май — 6,13, июнь — 6,04, июль — 5,81, август — 5,80, сентябрь — 6,06, октябрь — 5,77 и декабрь — 5,81. Если брать в процентах, то от 100 проц. в мае выработка понизилась в декабре на 4,8 проц., а за 7 месяцев — на 5 процентов. За это время заработок вырос в процентах: в мае — 100 проц., в июне — 103 проц., в июле — 106 проц., в августе — 124 проц., в сентябре — 123 проц., в октябре — 116 проц., в ноябре — 119 проц., в декабре — 116 проц. В декабре зарплата превысила майскую на 16 проц., а выработка сократилась на 5,2 проц.

Почему это произошло? Когда я докладывал об этом в ВЦСПС, то меня спросили, чья в этом вина. Мне кажется, что так ставить вопрос не следует. Дело не в том, чтобы искать виновника, а в том, чтобы обратить на это внимание, коллективными усилиями устранить все затруднения, тормозящие рост выработки. Тут имеются более глубокие основания, более глубокие законы, над которыми надо подумать, вскрыть и выявить их.

Каковы же эти причины? Во-первых, основная причина та, что мы, использовав хорошее оборудование полностью, приступили к более худому, изношенному, и то, что мы использовывали его столько лет, не ремонтируя, не переоборудывая и не заменяя новым. Это указывает на катастрофическое положение техники нашего производства, нашего оборудования, с одной стороны, а, с другой стороны, — указывает на то, что у нас недостаточно проводится то, чему мы посвятили много времени, много разговоров — рационализация, стандартизация, правильная организация производства и т. д. Столбец этих цифр показывает, что продуктивность труда из месяца в месяц сокращается. Это одно явление, на которое нам необходимо обратить внимание.

Второй основной фактор, тоже не менее важный, на который нужно обратить сугубое внимание, заключается в том, что с мая по декабрь месяц нами было принято в наше производство 25 проц., т. е. около 400 тыс. новых рабочих. Часть их работала раньше, но в течение очень долгого периода была оторвана от производства. Другая часть — крестьяне, чернорабочие, которые впервые приходили на фабрики и относились к производству, безусловно, не как к своему кровному пролетарскому делу.

Ряд донесений с Юга и Урала с несомненностью показывают, что часто вновь приходящие на фабрику рабочие смотрят

на нее, как на чужую, стремятся только что-нибудь урвать и использовать для себя. Эти новые рабочие не прошли той героической, мученической школы, которую прошел наш фабрично-заводской пролетариат в своей борьбе с самодержавием, с капитализмом и за Октябрьскую революцию. Поэтому, товарищи, тот пункт в нашей резолюции, который говорит о социалистических элементах, который говорит о нашей промышленности, как о социалистическом факторе и о необходимости воспитания и перевоспитания, должен найти здесь свое применение. Как профсоюзы, так и партийные организации должны посвятить особое внимание тому, чтобы переварить в котле пролетарской общественности, пролетарской политики и пролетарской солидарности вновь пришедших, которые должны научиться видеть в заводе или фабрике основу социализма, а не подсобное предприятие для своего хозяйства.

Поскольку мы держим союз с крестьянством, поскольку партия, государство и диктатура пролетариата поддерживают середняков и бедняков-крестьян кредитной и всякой другой политикой,—постольку приходящие на фабрики должны поддаваться партийному и профессиональному руководству, чтобы ставить перед собой наши коммунистические задачи.

Несоответствие между кривой зарплаты и производительностью труда говорит о том, что дальнейшее номинальное увеличение зарплаты не приведет к реальным результатам. Для того, чтобы зарплату увеличить не денежно, а увеличить в смысле большего количества сапог, одежды, масла и т. д.—для этого необходимо создать бо́льшее количество промышленных изделий, которые мы вырабатываем на наших фабриках и заводах. Вот—единственная основа для реального увеличения зарплаты и для выполнения тех больших задач, которые стоят перед нами как перед рабочим классом. Поэтому вопрос социалистического накопления, вопрос нахождения методов для приведения в соответствие роста зарплаты с производительностью труда, нахождения путей—во что бы то ни стало поднять производительность труда должен быть поставлен в порядок дня.

Я должен еще оговориться: часто, когда говорят о производительности труда, то думают, что речь идет об интенсивности мускульного труда. Мы слово «производительность труда»

использовываем в совершенно другом смысле, и когда говорим о соответствии производительности труда и зарплаты, то разумеем не интенсивность рабочего (интенсивность ограничена кодексом закона 8-часового труда, труд должен быть нормальным), а говорим о выработке продукции на одного рабочего. Значит, если имеется разбухший штат, небрежное использование сырья и оборудования, то посредством их сокращения выработка на одного рабочего сейчас же увеличивается.

Я должен здесь открыто заявить, что именно в смысле величины зарплаты мы значительно превзошли те планы, которые нами намечались. Мы видим уже в октябре месяце, т. е. в первом месяце операционного года, по ряду отраслей промышленности зарплату на 10—15 проц. выше того уровня, который был принят программами. О чем это говорит? Это говорит не о том, что надо уменьшить зарплату, но говорит о том, что ее нельзя увеличивать сейчас, и что надо найти те источники, которые кроются в организации труда, в самом труде, для того, чтобы эти расходы по зарплате имели материальную основу и не вызывали роста себестоимости.

Если в чем-нибудь наши хозяйственные организации провинились, то это в чрезмерном приеме рабочих. Вы знаете, что по плану мы предполагали в среднем годовую цифру количества рабочих увеличить на 20 проц., а, между тем, уже в декабре месяце это количество было увеличено на 24 проц. Вместе с тем, в связи с общим движением бюджетного индекса, реальная заработная плата не растет в такой же мере, как растет зарплата в червонных рублях. Мы видели, что за прошлый год зарплата увеличилась в условных московских рублях, если считать с октября 1924 г. по декабрь 1925 г., — на 20 проц., а в червонных рублях — на 30 проц. Таким образом, мы видим, что покупная способность червонного рубля уменьшается. Это, безусловно, связано с тем, что выработка у нас в стране недостаточна, и что нет соответствия между заработной платой и выработкой.

Здесь я должен указать на необходимость, кроме технического переоборудования, рационализации и стандартизации, обратить внимание на новых рабочих, на их воспитание и на борьбу с их прогулами, что является характерным для всех заводов. Так, например, с юга мне указывали, что рабочие, приходящие из деревни, имеют прогул до 30% своего рабочего времени. Правильно я говорю? (*Голоса: «Правильно».*) Они приходят

со своим хлебом и им до остального мало дела. Тут нужно, действительно, поработать над этим и это видоизменить.

Кроме того, больной вопрос, о котором мы много говорим и кое-что делаем, но недостаточно, — это вопрос квалификации. Я думаю, что необходимо на местах и в Ленинграде — ленинградскому комитету и партийным организациям — обратить внимание на постановку дела в наших фабзавучах. В школах фабзавуча квалифицированный рабочий готовится в течение нескольких лет. Подготовка каждого квалифицированного рабочего стоит баснословно дорого. При такой дороговизне мы не в состоянии обучить необходимого количества рабочих, которым надо дать квалификацию. Поэтому, на вопрос бригадного ученичества, индивидуального ученичества и на вопрос постановки дела в фабзавучах надо обратить исключительное внимание. Вот пример: нам в этом году нужно было 150 тысяч новых квалифицированных рабочих и 100 тыс. полуквалифицированных, а фабзавуч нам даст в этом году 20, максимум 25 тысяч. При чем эта квалификация в смысле расходования средств промышленности не по карману.

Товарищи, теперь я хочу обратить ваше внимание на вопрос розничных цен. Если взять индексы оптовый и розничный, то мы увидим следующее явление: если взять период от октября 1923 г. (т.-е. от момента кризиса сбыта, когда цены на промышленные изделия были очень дороги), то мы увидим, что за все это время до 1 января 1926 г. оптово-промышленные цены понизились на 28 проц., а розничные на эти же предметы понизились только на 9 проц. Таким образом, вы видите, что расхождение между оптом и розницей за это время росло.

То же самое и по сельско-хозяйственным продуктам. Вы знаете, что 1 октября 1923 г. цены на хлеб были баснословно дешевы. С октября 1923 г. по 1 января 1926 г. цены повысились на 91 проц. в опте, а в рознице — на 121 проц. Таким образом, наши цены повысились гораздо больше в рознице, чем в опте. Для сельско-хозяйственных продуктов то же самое. Но отвечают ли эти «ножницы» действительным взаимоотношениям между промышленностью и крестьянством? Нет, потому что крестьяне покупают не по тем розничным ценам, которые мы фиксируем. Недавно произведенная «Торгово-промышленной газетой» анкета показала, что накидки в деревне по отдельным сортам товаров доходят до 400 проц. Это значит, что для того, чтобы

купить пуд кровельного железа, нужно уплатить столько, за сколько можно было бы купить 4 пуда. Это значит—получать за свои деньги только одну четвертую часть их действительной стоимости. Куда же идут $^3/_4$? Они идут в посреднический аппарат.

Одной из самых основных задач, которые сейчас стоят перед нами, является кампания за снижение розничных цен в деревне. Что значит снижение розничных цен? Снижение розничных цен — это значит сокращение того тунеядского, того дармоедского аппарата, который присосался к нашей кооперации и к нашей торговле. Он наживает на нашей торговле миллионы, и поэтому товары, которые мы делаем, не попадают крестьянину, а попадают к посредникам, при помощи искусственного повышения цен. Таким образом, до крестьянина не доходят наши промышленные изделия, а к нам не доходит его хлеб, который мы не можем вывезти, и на эту валюту не можем привезти сырья на расширение производства.

Деловая кампания за снижение розницы, за оздоровление рынка, за овладение им, за поднятие курса нашего червонца, за увеличение экспорта, — является важнейшей очередной задачей нашей хозяйственной политики. На эту сторону мы должны обратить всемерное внимание.

Теперь, товарищи, я коснусь кратко вопроса о кооперации. Кооперация, как нас учил в своей предсмертной брошюре Владимир Ильич, есть самый основной рычаг для привлечения сельского хозяйства к делу социалистического строительства. Кооперация должна быть не только вывеской, не только псевдо-кооперацией, но и той организацией, которая творит социалистический строй. Для того, чтобы это было действительно так, необходимо поработать над улучшением кооперации.

Если же вы посмотрите на разницу цен у кооперации и у частника, то вы увидите, что наша кооперация продает дешевле на самую малость. Процент такой безбожно-низкий, что терпеть его в советском строительстве нельзя. Мы видим, что кооперация, наша в этот период работает, в большинстве своем, на чужом капитале. В этом году она заработала прибыли не менее 70 милл. руб. Нам необходимо, чтобы кооперация, действительно, привлекала средства от населения.

Товарищи, вы видите, что разрешение стоящих перед нами задач требует величайших усилий. Этого мы сможем достигнуть лишь при сталь-

ном единстве. Поэтому XXIII чрезвычайная конференция должна вбить осиновый кол в попытки разбить стальное ленинское единство. Эта конференция должна быть концом борьбы за единство и началом борьбы, жестокой борьбы за преодоление трудностей, в полосу которых мы вошли и которые стараются использовать наши за-граничные враги.

Сейчас на ваших глазах происходит эстонский процесс. Вы знаете также об убийстве и покушении на убийство наших дипкурьеров, которые смертью двух наших врагов, показали, как наши советские работники умеют защищать почту и честь Советского Союза. Вы знаете, что за фигурами, которые сидят на эстонском процессе, высовывается фигура некоего Франка, который является главой английской контр-разведки. Вы видите, что для преодоления наших внутренних трудностей, мы должны стоять на страже и следить за врагом, который извне желает нас дезорганизовать.

Задача тяжелая. Мы можем ее решить только при железном единстве. Она, безусловно, должна быть решена и будет решена. То единство, какое было на XIV партсъезде и какое показали вы, в вашей ленинградской организации, после съезда, — гарантирует, что все эти трудности, как бы тяжелы они ни были, будут безусловно преодолены. *(Продолжительные аплодисменты).*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. ДЗЕРЖИНСКОГО.

Товарищи, прения показали, что разногласий по вопросам строительства нашей промышленности—нет. Здесь указывалось на отдельные частности, очень существенные, очень важные, на которых мне необходимо остановиться в своем заключительном слове.

Я начну с последнего выступления представителя Комсомола. Товарищ совершенно правильно указал на то, что у нас дело поднятия квалификации рабочих и молодежи поставлено очень несовершенно, я бы сказал даже, очень плохо. Мы рассматривали основы развития нашей промышленности, методы и способы изыскания средств для ее укрепления; в разрешении этих общих вопросов нашего развития заключается ответ и по этому частному, очень существенному и важному моменту. Наши хозяйственники, говорит товарищ, скупятся давать средства для постановки обучения нашей молодежи. Такая постановка вопроса неправильна в том смысле, что мы забываем об основном мо-

менте нашего развития, об основном условии поднятия всего нашего хозяйства, а этот немаловажный элемент, о котором нам часто говорил Владимир Ильич, — время. Мы не в состоянии достигнуть сегодня того, на что требуются целые годы усиленной работы. Мы еще настолько несовершенны, что обучение рабочих в фабзавуче обходится нам в месяц приблизительно около 50 рублей на одного рабочего.

Но, безусловно, вопрос о молодежи стоит в порядке дня. Необходимо обратить самое серьезное внимание на улучшение и удешевление дела обучения и получения квалификации. Безусловно, дело квалификации рабочих должно быть придвинуто к хозяйству в большей степени, чем это было до сих пор.

Тов. Вейнберг указывал на недочеты, которые существуют в вопросе о приеме рабочих, не членов профсоюзов. И говорил, что в течение одного года, вследствие усиленного приема нечленов союза, количество безработных членов союзов увеличилось на 30 чел. Я думаю, что этот вопрос профсоюзы с хозяйственниками разрешат очень легко. Конечно, там, где есть действительно тенденция принимать нечленов профсоюза, — это ошибка. Но как раз цифры показывают, что мы не имеем этой ошибки в больших размерах.

Теперь я хочу остановиться на выступлении т. Гречманова. Это было самое яркое выступление, которое доказало и доказывает, как у нас еще во многих случаях не изжито то, что напоминает 1918—1919 гг.

Я просил бы стенограмму, где описываются факты, о которых говорил т. Гречманов, мне непосредственно направить, чтобы я, как председатель Высшего Совета Народного Хозяйства, мог принять соответствующие меры для проверки и наведения порядка *(аплодисменты)*. Мы отличаемся от других тем, что мы можем вскрывать совершенно безболезненно болячки, которые у нас имеются, и не боимся их устранять всеми способами и методами, которые необходимы. Если здесь нужен ланцет, чтобы вскрыть и разрезать. — мы и на это пойдем *(аплодисменты)*.

Далее я хочу остановиться на выступлении т. Позерна. Тов. Позерн не совсем меня понял. Я не говорил, что в Северном Кавказе хлебозаготовительный аппарат работает плохо. Я должен засвидетельствовать, что тов. Позерн совершенно прав, когда говорит, что из всех районов самым лучшим районом-заготовителем был Северо-Кавказский район.

Мы не просчитались в том смысле, что у нас нет материальных ценностей к вывозу, что у нас вообще хлеба нет для вывоза — мы и здесь кое-что просчитали, но на сравнительно небольшую сумму. Мы ошиблись в расчете маневра — каким образом хлеб направить для вывоза за границу, для увеличения импорта и т. д. и т. д. Плохое маневрирование заключается здесь в том, что мы не сумели в условиях товарного голода направить промышленные изделия туда, куда надо было их направить, чтобы получить хлеб, и потому, что розничные цены на наши промышленные изделия были слишком высоки, крестьянину было невыгодно их покупать.

Нам всюду и везде нужно обратить внимание на борьбу за снижение розничных цен. Что означает это несоответствие между отпускными ценами и розничными? Это означает, что идет частное накопление; высокие розничные цены значат, что торговый частный капитал надвигается на нас, что создается, организуется сила, которая обратится против нас, и эта сила, это накопление средств, это накопление денег обращаются именно против нас. Что делает эта сила? Эта сила скупает валюту, лишая валюты нашу государственную промышленность. Эта сила имеется на местах, в деревнях; даже в Москве на съезде, когда там выступал небезызвестный Синелобов, там требовали предоставления прав частному капиталу в смысле возможности большего его развития в промышленности. Борьба за снижение розничных цен — есть наша классовая борьба, чего, к сожалению, многие товарищи и многие ведомства не поняли в достаточной степени, и поэтому та кампания, которая была мною начата за снижение розничных цен, не была достаточно поддержана.

Тов. Позерн совершенно правильно обратил внимание на вопросы охраны труда и на те несчастные случаи, которые происходят. Это — такая же болезнь, как и в вопросе относительно обучения молодежи, относительно квалификации, относительно процента больных. Это — факты, на которые мы глаз не должны закрывать. Я не докладывал вам об этом потому, что если бы мне пришлось брать все темы и проблемы, которые стоят у нас в промышленности, то одна проблема труда могла бы занять гораздо больше времени, чем я имел для всего моего доклада, но и на съезде металлистов и в целом ряде других выступлений я на эту сторону указывал. Вот когда мы об этом говорим, то тут то же самое вытекает с абсолютной неизбеж-

ностью и необходимостью требование, которое вытекает из всех требований нашей хозяйственной жизни, а именно — переоборудование, реконструкция наших фабрик и заводов, ибо те установки, которые в настоящее время у нас имеются, абсолютно не могут гарантировать тех условий, при которых мы только и можем добиться максимальной производительности труда.

Поэтому мы должны у себя искать и накоплять средства для того, чтобы это переоборудование осуществить, но это накопление не может итти только путем, зависящим от кого-то другого, третьего. Политику большой эмиссии мы уже видали в 1923 году, когда чуть ли не встали перед остановкой нашего производства, если бы не наступило сокращение цен. Мы видели все эти неудачи в результате эмиссии, которые мучат нас и сейчас, потому что большой выпуск денег, не отвечающий товарной массе промышленной продукции на крестьянский рынок, обозначал увеличение и усиление товарного голода, а значит и падение курса нашего червонца. Поэтому, когда мы, марксисты, ищем средства и спрашиваем, где их найти, мы находим только один источник этого накопления, это — труд человека, мозг человека, его мускульная сила. Вот источник тех материальных благ, которые создадут и дадут возможность двигаться далее. Общее повышение культурности мы должны направить на изыскание методов лучшей постановки нашего производства, нашей производственной техники, ибо иначе мы не сможем выполнить нашей задачи. Только в связи с разрешением общих задач мы сможем находить у себя средства и возможность для устранения тех еще вопиющих недочетов, которые у нас имеются в нашей охране труда.

Меня спрашивают о том, чем объясняются частые пожары, которые сейчас наблюдаются на фабриках и заводах. Мое мнение таково, что безусловно здесь играют роль наша халатность, наша беспечность, что именно с приходом зимней поры, зимнего времени, всякая неосторожность на пропитанной нефтью площади наших заводов может иметь роковые последствия. Так было, как вы знаете, например, на Путиловском заводе, где имеется масса еще деревянных построек. Поэтому здесь необходимо принять самые жесткие меры в смысле борьбы с халатностью.

Далее товарищ спрашивает, почему мы, входя в полосу топливного голода, вывозим нефть за границу. Я должен сказать, что нефти мы очень мало вывозим за границу, хотя мы должны

рассматривать нефть, как валютную ценность, ничем незаменимую. Обычай сжигать нефть в топках мы должны уничтожить, мы должны использовать нефть, как топливо в самых минимальных размерах, потому что нефть для этого слишком ценна. Вместе с тем должен быть поставлен на очередь вопрос о разработке местного топлива, например, торфа. Мы учимся сжигать торф и достигли здесь уже очень больших результатов. Теперь мы будем применять метод сжигания пылевидного топлива, это даст возможность использования огромного количества угольной мелочи, которая лежала до сих пор мертвым капиталом. Нефть же мы должны беречь как ценность и в смысле валютном, и в смысле получения из нее бензина и всякого рода масла.

Товарищи в записках упрекали меня за то, что я не коснулся транспорта, и спрашивают меня, что нами предпринято для восстановления нашего подвижного состава. Я уже говорил, что программа наша в этом году удвоена по сравнению с прошлым годом и что нами предпринимаются все меры для того, чтобы восстановить вагоностроительные заводы и дать им возможность максимально развить свою продуктивность. Вопрос о транспорте является сейчас одним из самых больных и самых основных вопросов, на который постоянно было обращено внимание и партии, и советских органов. В этом году были перебои вследствие недостатка подвижного состава. Мы стоим перед фактом, что в ближайшее время у нас может быть недостаток вагонов; если в будущем году урожай будет такой же, как в этом году, то у нас может быть недостаток паровозов. Это обязывает металлопромышленность напрягать все свои силы для того, чтобы с этим справиться. Точно так же положение нашего транспорта обязует наши железные дороги принимать все меры к тому, чтобы подвижной состав, вагоны и паровозы использовались максимально, правильно, целесообразно и быстро. Это зависит, безусловно, не только от НКПС, это зависит и от хозяйствующих органов ВСНХ и других, которые очень часто не сознают, какую они делают ошибку или даже преступление с точки зрения народохозяйственной, когда они задерживают погрузку и разгрузку вагонов, и эти вагоны, вместо того, чтобы работать, стоят на станции. На транспорт необходимо обратить сугубейшее внимание.

Я получил записку, где говорится следующее: «Вы в своем докладе говорили, что у нас все время то перелет, то недолет, разве нельзя обойтись без этого? Это можно допустить 1—2 раза,

но если это принимает систематическую форму, а у вас так и выходит, всегда ошибки, это уже никуда не годится. Не сидит ли здесь какая-нибудь злостная рука, которая все время делает то перелеты, то недолеты?».

Да, товарищи, злостная рука здесь имеется. Она называется нашей молодостью, нашей некультурностью. Вот та злостная рука, из-за которой у нас не все идет как по маслу. Но не надо этого преувеличивать. Я должен сказать, что именно мы, большевики, всегда отличаемся тем, что не скрываем своих недочетов. И этому нас научил В. И. Ленин. Как бы тяжела ни была обстановка, мы наши промахи обязательно выкладываем: вот они, изучай их, анализируй со всех сторон. И белогвардейцы часто этим пользовались и говорили: вот, большевикам крышка. Они подбирали из наших газет «Правда», «Экономическая Жизнь», «Известия» и т. д. цитаты, наши самообличения и делали свои выводы о крахе, а мы в это же время ликвидировали наши недочеты. Между тем, товарищи, если взять кривую нашего роста из года в год, то вы увидите, что мы растем, растем и растем *(аплодисменты)*. Поэтому нам лучше преувеличить наши недостатки для того, чтобы их излечить, чем скрывать, но не преувеличивать так, чтобы терять энергию и голову. Мы должны обличать наши недостатки для того, чтобы найти в себе силы для дальнейшей работы и исправления их.

Кроме того, не надо забывать, что мы молоды. В самом деле, сколько лет мы на мирном строительстве? Вы слушаете меня здесь, как председателя Высшего Совета Народного Хозяйства, вы слушаете вашего ленинградского хозяйственника тов. Лобова, — хотя седина у нас есть, по в смысле хозяйствования мы молодежь, зеленая еще, совершенно зеленая молодежь. Мы взяли власть от буржуазии и статских чиновников, которые учились и подбирали свой персонал в течение столетий. Наш хозяйственный стаж считается с 21 года и требовать, чтобы мы могли управлять безошибочно, — это совершеннейшая утопия. Мы ошибок не должны бояться, но под одним условием — если у нас нет комчванства, «шапками закидаем» и проч., если мы знаем самих себя, знаем свои силы, знаем свои ошибки и не боимся их открывать.

Товарищ X спрашивает, какую промышленность можно назвать уездной, как ее разграничить с губернской и т. д. В нашем законодательстве уездной промышленности нет, как юридического

названия. У нас есть—местная промышленность, которая, конечно, может быть и губернской, и уездной. Какие же взаимоотношения между губернской и уездной? Если уезд имеет завод или фабрику, которая хорошо работает и которая производственно связана только с данным уездом, уезд имеет достаточно силы ее направлять, составлять планы, контролировать балансы и т. д., конечно нет оснований, чтобы эту фабрику или завод соединять с фабрикой другого уезда, которая тоже имеет только чисто уездное значение. Но мне кажется, что здесь вопрос может именно так стоять, что у нас очень мало опыта в хозяйствовании, и поэтому слишком разбивать наши силы на чисто уездную промышленность, мне кажется, не следует, потому что мы еще до этого не дошли.

В заключение я хочу остановиться еще на главном, основном выводе, который вытекает из обозрения положения нашей промышленности и задач советского государства по отношению к промышленности. Те данные и тот обзор, который мною дан, целиком подтверждают правильность решений XIV съезда, который указал на необходимость неуклонной индустриализации нашей страны, как на главную мощную базу, которая поднимает производительные силы всей страны и подводит фундамент под наш социалистический строй. Но вместе с тем партийный съезд указал, что эта индустриализация должна проходить в соответствии с наличными ресурсами. Вот на эту сторону нам необходимо обратить внимание, ибо наличность наших ресурсов не является чем-то определенным, чем-то уже точно и твердо зафиксированным, чем-то независящим от самой промышленности, от нашей партии, от всего народного хозяйства и Советской власти.

Мы видим, что заминки, которые мы переживаем сейчас и которые несколько снижают темп нашей индустриализации, происходят, в основном, на почве товарного голода, т.-е. диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, и на почве несоответствия личного потребления с производительными расходами. Конечно, все развитие и вся индустриализация в конечном счете направлены к увеличению личного потребления. Поэтому, когда в данное время наше оборудование износилось, когда имеющихся орудий производства недостаточно, мы должны, при всей нашей бедности, выкроить средства из всего народного хозяйства, дабы бросить их на восстановление орудий производства, которые непосредственно сегодня не дают предметов широ-

кого потребления, а дадут через год — два — три. Значит, надо, при нашей бедности, съэкономить известное определенное количество материальных благ, чтобы бросить именно сюда.

Поэтому, когда говорят, что именно отсутствие средств показывает, что мы должны прекратить вести капитальные работы, или сократить их выше всякой меры, то я утверждаю, что я, как председатель Высшего Совета Народного Хозяйства, с такой точкой зрения буду бороться до конца, потому что она неправильна в корне. Мы должны искать средства и посмотреть нет ли где источника, откуда их взять. Действительно, мы видим, что государственный бюджет возрос в этом году до 4-х миллиардов, при чем эти 4 миллиарда рублей в большей своей части брошены на непроизводительные расходы: на содержание государственного аппарата, армии, на культурные потребности, которые непосредственно материальных благ не дают.

Я утверждаю и говорю, что тут можно 100 — 200 миллионов сократить из этих 4 миллиардов. Мы в прошлом году имели бюджет в 2 миллиарда 700 тысяч, а теперь 4 миллиарда, мы можем сократить его на 100 — 200 и даже 250 миллионов, для того, чтобы не было чрезмерного потребления, которое не дает достаточного количества товаров для переброски на капитальные работы, которое не дает возможности эти средства, эти материальные блага перебросить в хлебозаготовительные районы. Я говорю дальше еще и о том, что миллионные средства уходят в частный капитал, в частное накопление, в торговые аппараты, которые их расходуют без конца. В самом деле, если посмотреть на оборотную сторону нашей кооперации, то разве целый ряд этих организаций не раздулся неслыханным образом в количественном отношении. Поэтому мне кажется, что мы должны приостанавливать рост нашего непроизводительного потребления именно в этом направлении, чтобы сокращать там потребление, где оно может быть сокращено по отношению к крестьянству, по отношению к сбережениям. Мы должны выпустить заем для того, чтобы деньги получить, и на эти деньги восстановить нашу промышленность, которая даст предметы широкого потребления и создаст базу для расширения нашего денежного обращения.

В отношении рабочих на фабриках и заводах, мы должны здесь итти не в смысле сокращения личного потребления. Что касается рабочей силы на фабриках и заводах, это вместе

с тем производственное потребление, потому что чем больше и лучше зарплата, тем лучше восстанавливается рабочая сила, тем больше рабочий может давать и дает продукции, тем меньше затруднений в смысле увеличения выработки на одного рабочего. На это необходимо нажать, и я уверен, товарищи, что, когда мы бесстрашно разберем, рассмотрим и проанализируем все это, то при той сплоченности нашей партии, которую создал рабочий класс нашего великого Союза, мы все эти трудности и все эти задачи, которые стоят перед нами, неизбежно преодолеем, разрешим и выйдем победителями. *(Бурные аплодисменты.)*

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ О СОСТОЯНИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

XXIII Ленинградская Чрезвычайная Губпартконференция, заслушав доклад т. Дзержинского об общем положении промышленности Союза и перспективах ее дальнейшего развития, полностью одобряя работу президиума ВСНХ в области промышленности, отмечает, что наша госпромышленность является основной базой социалистического строительства, что предприятия нашей госпромышленности в руках победившего пролетариата, ведущего страну по пути к коммунизму, представляют собой предприятия «последовательно-социалистического типа».

Конференция с удовлетворением отмечает значительные достижения промышленности в области развертывания производства, снижения себестоимости и приспособления промышленного производства к все большему обследованию нужд народного хозяйства и в первую очередь сельского хозяйства.

Конференция констатирует, что в этом отношении достигнуты значительные успехи, выявившиеся:

а) в чрезвычайно быстром темпе развертывания промышленности в целях удовлетворения нужд городского и сельского населения;

б) в значительно более полном обслуживании нашей промышленностью нужд сельского хозяйства и транспорта;

в) в снижении оптовых отпускных цен промышленности;

г) в приспособлении ассортимента к нуждам деревни;

д) в вовлечении в промышленность в течение последних месяцев сотен тысяч новых рабочих, не находящих применения своего труда в крестьянском хозяйстве;

е) в борьбе за улучшение качества продукции.

ж) в увеличении производительности, а также роста зарплаты рабочих.

Этот рост нашей госпромышленности в связи с общим ростом народного хозяйства был обеспечен, главным образом, тем, что наша промышленность является социалистической, а поэтому широкие рабочие массы, строя новую жизнь, создавали базу для социалистического строительства во всем народном хозяйстве. Отсюда без посторонней помощи, без займов — такие успехи в столь короткий срок.

Однако, несмотря на значительные достижения, государственная промышленность все еще не в состоянии удовлетворить нужды деревни и возросшие потребности пролетариата, а также обеспечить достаточно быстрое восстановление нашего транспорта и в достаточной мере обслужить нужды обороны нашей страны.

Недостаточность промышленного производства и как следствие этого—товарный голод в стране значительно затормозили ход хлебозаготовок и выполнение экспортного и импортного плана, что в свою очередь ухудшило экономические условияработы промышленности и создало значительные финансовые затруднения.

Основными причинами, определяющими нарушение хозяйственного равновесия страны, являются:

1) Несоответствие между платежеспособным спросом сельского хозяйства и промышленным производством.

2) Чрезмерный рост непроизводительного потребления, который не соответствует как достигнутому уровню развития производства, так и темпу социалистического накопления в стране.

Из этого вытекает, что основным содержанием хозяйственной политики, рассчитанным на ряд лет, должно быть преодоление несоответствия между сельским хозяйством и промышленностью и доведение нашей промышленности до уровня потребности всего народного хозяйства и в первую очередь сельского хозяйства.

Только путем неуклонного проведения взятого партией курса на индустриализацию страны и на более быстрый темп развития промышленности по сравнению с темпом подъема сельского хозяйства может быть разрешен основной вопрос несоответствия между промышленностью и сельским хозяйством и тем самым обеспечена возможность дальнейшего подъема сельского хозяйства.

Дальнейшее развитие сельского хозяйства находится в теснейшей и непосредственной зависимости от того, в какой степени будут развиваться наша промышленность и транспорт. Поэтому в данный момент необходимо добиться такого перераспределения наличных рессурсов страны между отдельными отраслями народного хозяйства, которое было бы наиболее целесообразным с точки зрения народного хозяйства в целом и сельского хозяйства в частности, т.-е. направление этих рессурсов в данный момент должно итти в первую очередь для поддержания необходимого темпа развития промышленности и транспорта.

Необходимость развертывания промышленности и связанная с этим необходимость накопления хотя бы ограниченных резервов сырья, топлива и готовых товаров, ставит вопрос о достаточном финансировании промышленности. Между тем, отсутствие достаточного накопления в самой промышленности, напряженное состояние денежного обращения и необходимость сохранения устойчивости валюты требуют осторожной эмиссионной и кредитной политики. При таких условиях основная задача заключается в максимальном ограничении непроизводительного потребления и максимальном использовании всех имеющихся в стране свободных средств для производительных нужд. В этих целях необходимо сократить расходную часть государственного бюджета за счет ограничения непроизводительных менее срочных расходов, обеспечив полное поступление доходов.

Политику кредитования необходимо подчинить задаче удовлетворения наиболее неотложных нужд развертывающегося производства, ограничивая кредитование торгующих организаций. В связи с тем, что промышленность в использовании наличного оборудования фабрик и заводов достигает своего предела, дальнейшее развитие промышленности и развертывание производства ставится в полную зависимость от хода капитальных работ и выполнения программы строительства,—без чего невозможно ни дальнейшее развертывание промышленности, ни поднятие производительности труда, а следовательно и дальнейший рост заработной платы, ни улучшение условий охраны труда и техники безопасности (на что необходимо хозорганам и сейчас обратить серьезное внимание), ни организация новых производств, необходимых для развития страны (химия, автостроение, авио-строение и т. д.), ни удешевление производства и улучшение качества его продукции, ни ограничение ввоза ино-

странных фабрикатов, ни усиление нашего промышленного экспорта. В то же время, во избежание необоснованных капитальных затрат, должен быть усилен надзор ВСНХ СССР за строительством общесоюзной и республиканской местной промышленности, а также на основе решений XIV партсъезда должен быть выработан ряд практических мероприятий со стороны ВСНХ, в целях дальнейшего развития местной промышленности.

Сокращение капитальных работ, в связи с современными финансовыми затруднениями, должно быть произведено в первую очередь в тех отраслях народного хозяйства, где таковые являются по своей важности второ-очередными.

Сокращение капитальных работ в промышленности должно быть произведено с таким расчетом, чтобы не задержать необходимого и неотложного темпа развертывания производства, как в нынешнем, так и в предстоящем хозяйственном году, ибо в противном случае еще более обостряются указанные выше противоречия в народном хозяйстве, вызвавшие современные хозяйственные затруднения.

В целях финансового обеспечения роста промышленности, необходимо обратить сугубое внимание на усиление обращаемости капиталов в промышленности и ускорения реализации неликвидных имуществ. В этих же целях необходимо проведение ударной кампании за понижение себестоимости и всемерное сокращение накладных расходов.

Дальнейшее развертывание промышленности и осуществление плана нового строительства требует усиленного внимания всего рабочего класса и его профсоюзов к развертыванию тяжелой индустрии (топливо, металл), а также к расширению и укреплению промышленности строительной, без которых невозможен как рост всех остальных отраслей промышленности, так и всего народного хозяйства в целом.

В виду напряженного положения с топливом и строительными материалами, производственные программы в этих отраслях промышленности (топливной и строительной) должны быть выполнены полностью.

В связи с вовлечением в производство в течение последних месяцев сотен тысяч новых рабочих, еще не прошедших достаточной пролетарской выучки на фабриках и заводах, необходимо обратить исключительное внимание на выработку из них орга-

низованных пролетариев, сознающих, что мы строим социалистическое хозяйство.

Исходя из стоящих сейчас перед промышленностью задач и необходимости изменения создавшегося за последнее полугодие неблагоприятного соотношения в области движения заработной платы и производительности труда, считать необходимым направление всех усилий хозяйственных и профессиональных организаций в сторону проведения необходимых мероприятий, обеспечивающих дальнейшее увеличение выработки на рабочего не только путем полной загрузки рабочего дня, но, главным образом, путем введения организационно-технических улучшений и сокращения накладных расходов, а также уменьшения норм расхода сырья и топлива на единицу выработки. При этом темп роста выработки на одного рабочего должен обеспечивать возможность снижения цен на промышленные изделия и сокращение доли заработной платы в себестоимости продуктов. Рабочий класс, заинтересованный в сохранении промышленности и ее дальнейшем развертывании, должен проявить самое энергичное отношение к ликвидации всех затруднений по пути дальнейшего развертывания, имеющихся в данный момент. На ряду с этим необходимо уделить также и особое внимание вопросам жилищного строительства для рабочих.

Поскольку существующий уровень производительности труда значительно отстает от установленных по производственным программам норм, в то время как принятые по программам нормы заработной платы уже превзойдены, — обратить особое внимание всех хозяйственных и профессиональных организаций на необходимость принятия всех зависящих от них мер в целях достижения уровня производительности, установленного производственной программой. В дальнейшем всякое повышение заработной платы должно быть поставлено в полную зависимость от роста производительности труда.

В настоящее время главное внимание профессиональных и хозяйственных организаций должно быть направлено на борьбу за снижение розничных цен, особенно товаров и продуктов, входящих в бюджетный набор, следствием чего должно явиться как повышение реальной заработной платы, так и более успешный ход хлебозаготовок, а следовательно и выполнение нашего экспортного-импортного плана. Необходимо принять всевозможные меры для расширения и увеличения вывоза разного рода про-

дуктов в целях создания валютного фонда для расширения ввоза сырья, оборудования и полуфабрикатов.

В целях успешной борьбы с ростом розничных цен, необходимо установить такой порядок отпуска товаров промышленностью как госторговле и кооперации по генеральным договорам, так и частным торговцам, при котором гарантировалось бы прохождение товаров к потребителю с наименьшими накидками на оптовые отпускные цены.

Партия вопросам борьбы за снижение розничных цен должна уделить исключительное внимание.

Задачи, стоящие перед государственной промышленностью, не могут быть выполнены без активного участия широких рабочих масс. В связи с этим необходимо усилить роль и значение производственных совещаний и конференций, добиться более внимательного отношения к их работе со стороны партийных, профессиональных и хозяйственных организаций, придавая им все более деловой характер.

Конференция призывает всех членов союза и весь организованный пролетариат к упорной, напряженной работе и борьбе за дальнейшие победы на фронте социалистического строительства, за новые достижения в области развертывания промышленности и создания товарных ценностей, обеспечивающих как реальное улучшение благосостояния трудящихся масс, так и преодоление трудностей, связанных с нашим ростом.

Неуклонное, последовательное и энергичное проведение взятого партией курса на индустриализацию страны, на развитие производства средств производства и максимально возможное обеспечение развертывания производства, при неослабной энергии всего рабочего класса, должно обеспечить нам новые успехи на фронте социалистического строительства.

